
О.И. Ананьин

ГЕНЕЗИС ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ:
ИСТОРИКО-НАУЧНЫЙ КОНТЕКСТ

Москва
Институт экономики РАН
2021

Ананьин О.И. Генезис экономической науки: историко-научный контекст: Доклад. – М: Институт экономики РАН, 2021. – 52 с.

Аннотация. В докладе рассматривается трансформация донаучного экономического знания в научное. Путем анализа общенаучной среды, характерной для эпохи научной революции в Западной Европе XVII–XVIII вв., выявлены ее неоднородность, динамизм и влияние на экономическую мысль этого периода. Показано, что становление экономической науки сопровождалось формированием пяти альтернативных проектов включения экономического знания в систему науки и что модель экономической науки была задана картезианско-ньютоновским проектом, представленным в трактате Р. Кантильона.

Ключевые слова: экономическая наука, научная революция, меркантилизм, Кантильон.

Классификация JEL: B10, B11, B40.

Ananyin O.I. The genesis of economic science contextualised in the history of science: report. – M: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2021. – 52 p.

Abstract. The paper considers transformation of pre-scientific into scientific economic knowledge. Through the analysis of general scientific environment, characteristic of the era of scientific revolution of the XVII–XVIII centuries in Western Europe, its heterogeneity, dynamism, and impact on the contemporary economic thought are shown. The shaping of economics as a science is demonstrated to proceed through development of five alternative projects of incorporation of economic knowledge into the system of science, while consequent pattern of economic science was determined by the mixed Cartesian and Newtonian project, presented in the treatise of Richard Cantillon.

Keywords: economic science, scientific revolution, mercantilism, Cantillon.

JEL Classification: B10, B11, B40.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Эпоха	5
1. Экономика и коммерция	5
2. Наука	8
3. Идеология	21
Глава II. Экономическая мысль	26
1. Эволюция меркантилизма	27
2. Проекты новой науки	35
2.1. Бэконские проекты	36
2.2. Экономико-философский проект науки о человеке	40
2.3. Картезианско-ньютоновский проект	41
Заключение	44
Литература	45

Трансформация донаучного экономического знания в научное и сегодня ассоциируется прежде всего с именем Адама Смита, реже — с физиократами, Дэвидом Юмом или Уильямом Петти. Всех этих авторов объединяет ограниченный географический ареал — Великобритания и Франция, и относительно короткий отрезок времени: от второй половины XVII в. до последней трети XVIII в. Раньше экономические концепции не претендовали на статус отдельной науки, а после публикации «*Богатства народов*» существование науки политической экономии стало фактом, редко подвергавшимся сомнению. Разночтения же связаны не столько с фактами, сколько критериями, которые призваны засвидетельствовать рождение новой науки. На эту роль могут претендовать и новая фундаментальная идея, и публикация важной книги, и учреждение специальной кафедры. Это, в свою очередь, зависит от того, как понимается наука. Однако XVII в. — это эпоха революций: в политике, экономике, науке. Именно в этом историческом контексте экономическая мысль обрела свое новое качество, но именно этот контекст редко привлекал к себе внимание историков экономической мысли. Заполнить, хотя бы частично, этот пробел — главная задача настоящего доклада.

1. Экономика и коммерция

XVII и XVIII вв. — это период экономического и политического подъема западно-европейских морских держав: Франции, Нидерландов и, конечно, Англии, в особенности после Унии с Шотландией в 1707 г., положившей начало Королевству Великобритания. Ключевым фактором мирового лидерства этих стран была торговля. По оценкам историков, в XVI–XVIII в. рост объема мировой торговли в три раза опережал рост общественного продукта (Мэдисон 2012: 131). В конце XVII в. в Англии буржуазные и мелкобуржуазные слои составляли уже около половины всего населения (Аллен 2014: 80). В Нидерландах занятость вне сельского хозяйства достигла к этому времени 60% (Мэдисон 2012: 122), а доля товарооборота внешней торговли составляла больше 80% от уровня внутреннего продукта (О’Рурк и др. 2013:173).

В результате параллельно с традиционным аграрным сектором, все еще преобладавшим повсюду, кроме Нидерландов, вырос новый крупный и уже влиятельный коммерческий сектор — торговля, транспорт, ремесло, финансы. Это были два разных общественных уклада: первый по-прежнему строился преимущественно на принципах натурального хозяйства; во втором тон задавали, по выражению Фернана Броделя, «игры обмена». Здесь правили законы рынка, правда не того, что описаны в современных вводных учебниках по экономике. Важнейшие рынки были монополизирован-

ными, многие — сращены с государством, внешняя торговля была тесно переплетена с военно-морским флотом и внешней политикой.

Хотя каждый уклад жил своей жизнью, между ними было и взаимодействие, в ходе которого новый уклад одержал победу. В конце XVIII в. Адам Смит уже мог написать, что «...революция величайшей важности... была совершена двумя различными классами людей, которые не имели ни малейшего намерения служить обществу. Удовлетворение самого смешного тщеславия — таков был единственный мотив крупных землевладельцев. Торговцы и ремесленники, гораздо менее смешные ... придерживались присущего им торгашеского правила зашибать копейку при всяком удобном случае. Ни те, ни другие не думали и не предвидели той великой революции, которую постепенно совершало безумие одних и трудолюбие других» (Смит 1776/2007: 412–413).

В начале XVII в. такой итог еще трудно было предвидеть. Если устои традиционного общества были скреплены многовековыми обычаями и растолкованы авторитетными мудрецами, то новый уклад формировался стихийно и не было иного способа понять его логику, кроме как через пробы и ошибки повседневного опыта.

Нормы хозяйственного поведения в традиционном обществе обсуждались с античных времен в трактатах по управлению домашним хозяйством, или «ойкономии» («*oeconomia*», по-латыни). Такие сочинения, включая русский «*Домострой*», издавались и в последующие эпохи¹. Как отражение именно этой традиции возник и термин «политическая экономия», обозначающий особый тип хозяйства: первоначально «хозяйство полиса»², а в известном сочинении Антуана де Монкретьена³ — хозяйства государя⁴. Правда,

1. О меняющемся смысле термина «экономика» на протяжении XVIII в. в Англии см.: (Harvey 2012).
2. Выражение «политическая экономия» в смысле хозяйства античного полиса (в отличие от хозяйств монарха, сатрапа и частного владельца) встречается в «*Ойкономике*» псевдо-Аристотеля, который современные исследователи связывают со школой Аристотеля и относят к III в. до н.э. (Таронян 1969).
3. Сам Монкретьен отмечал, что «...вопреки мнению Аристотеля и Ксенофонта, можно определенно сказать, что экономику нельзя разделить [на частную и общественную] без разрушения целого... [Я не могу не удивляться тому, что... они забыли об этом общественном [public] хозяйстве, к которому нужды и обязанности государства обязывают относиться с большим вниманием]» (Montchrestien 1615/1889: 31–32).
4. В Новое время термин «*l'économie politique*» использовался и до Монкретьена, в частности в работе «*Аристократическая монархия*» Луи де Майерна-Турке, вышедшей в 1611 г. (см.: King 1948: 230). Монкретьен оказался первым, кто вынес его в название своего сочинения. Правда, это назва-

специальное исследование истории этого термина показало, что нововведение Монкретьена не получило распространения и «политическая экономия» вернулась в сферу публичного дискурса лишь в середине XVIII в. после статьи Жан-Жака Руссо «*Discours sur l'économie politique*» (Руссо 1755/1994), опубликованной в «*Энциклопедии*» Дидро и Д'Аламбера. Тематически она была выдержана по-прежнему в духе античной традиции (Tribe 2015: 33; 44).

Однако новые реальности требовали осмысления, и в XVII–XVIII вв. возник большой корпус литературы, который отразил практики, порожденные рыночным укладом. Характерно, что в статье Руссо об этих работах нет и упоминания. Эта новая литература принадлежала иному дискурсу, сложившемуся параллельно с политико-экономическим. Терминологически это был дискурс о коммерции, или торговле, а в историю экономической мысли он вошел под рубрикой меркантилистской литературы. Памфлетами и трактатами с названиями типа «*Discourse of Trade*» или «*Essays on Commerce*» («*Рассуждения о торговле*» или «*Опыты о коммерции*») отметились многие известные меркантилисты разных стран. Эти названия не должны вводить в заблуждение: как правило, речь шла отнюдь не о торговле? в узком смысле слова. Авторы интересовали и производство товаров, и занятость населения, и проблема бедности, не говоря уже о транспорте, финансах и денежном обращении⁵. Иными словами, это были общеэкономические работы, которые от прежнего канона отличались тем, что их предметом было хозяйство, основанное на товарно-денежных отношениях. По времени формирование этого нового дискурса совпало с развертыванием другого важного процесса, который получил наименование научной революции.

5. Иллюстрацией может служить название трактата Петита 1689 г., начинавшееся словами: «*Британия больна, или Рассуждение о торговле, доказывающее, что современное управление торговлей в Англии — это истинная причина упадка наших мануфактур и недавнего глубокого падения земельных рент...*».

2. Наука

Под научной революцией Нового времени принято понимать трансформацию содержания научных знаний и способов деятельности ученых, которая происходила в Европе, начиная с XVII в.⁶ Развитие европейской науки в результате ускорилось, и она уверенно вышла в лидеры мировой науки, значительно опередив прежде сопоставимые с ней по уровню научные школы Китая и мусульманского мира⁷.

Важнейшим импульсом к революционным изменениям в европейской науке послужила гелиоцентрическая система Николая Коперника, которая потребовала пересмотра не только места Земли во Вселенной, но и места науки в обществе. Пока наука оставалась под контролем церкви, ее развитие постоянно наталкивалось на религиозные догмы (Henry 2010: 40-41). Этому не могли воспрепятствовать даже усилия схоластов во главе с Фомой Аквинским, предусмотрительно пытавшихся развести теологию с натурфилософией с помощью теории двойственной истины: безусловной — для естественного разума, безусловно достоверной — для божественного (см.: Гайденко 1980: 453-457). Проблема состояла в том, что решение о том, когда использовать эту уловку, оставалось за церковными иерархами. Суд над Галилеем, и особенно осуждение ученого в 1633 г. за приверженность теории Коперника, послужили наглядным тому примером⁸.

6. Проблемы историографии научной революции выходят далеко за пределы обсуждаемой здесь темы. Один из ведущих специалистов в этой области Джон Шустер сетовал в конце XX в., что «историография Научной Революции находится в печальном состоянии. Научные споры шли под знаком столкновения упрощенных интерпретаций по осям будь то интернализма — экстернализма, или революции — постепенности. За отсутствием чего-то лучшего, ситуация — несмотря на растущий скептицизм — менялась мало» (Schuster 1989: 222). Скептицизм относительно состояния дел в этой области сохранялся и в дальнейшем: см., напр.: (Cohen 2011: XIX-XX). Однако для настоящей темы не столь важны факторы, длительность и темпы перемен, сколько их результат — качественные преобразования в науке в рассматриваемый период.
7. По оценке известного историка науки и китаеведа Джозефа Нидэма, «со времен Галилея (т.е. около 1600 г.) и далее «новая, экспериментальная философия» Запада неотвратимо оторвалась от уровня, достигнутого натурфилософией в Китае, и перешла на траекторию экспоненциального роста современной науки девятнадцатого и двадцатого столетий» (Needham 1967: 4).
8. Для Галилея научная истина обладала достоверностью без оговорок. «[П]ри обсуждении вопросов физики, — пояснял он свою позицию, — мы должны исходить не из авторитета священных текстов, а из чувственного опыта... ничто физическое из того, что чувства представляют нашему взору, или

Открытия и изобретения ученых способствовали росту престижа науки в обществе. Покровительство ученым стало престижным занятием для многих монархов и крупных коммерсантов (Phillips 2016: 227), что, в свою очередь, позволило многим ученым освободиться от опеки церковной бюрократии.

Не удивительно, что первым и объединяющим принципом научной революции Нового времени стал отказ от практики схоластов аргументировать выводы путем ссылок на авторитетные мнения (Dear 1985) и размежевание с главным авторитетом схоластов — «христианизированным Аристотелем» (Койре 1985: 63)⁹. «Nullius in verba» («Ничего со слов») было начертано на гербе Королевского общества. Императивом науки Нового времени стала достоверность генерируемого знания. На первый план выдвинулся вопрос о научном методе как ее гаранте. Однако общность устремлений отнюдь не означала единства взглядов на то, какой именно должна стать наука. Историография научной революции различает, как минимум, три основные версии «новой» науки: картезианскую, бэконскую и ньютоновскую.

Рационалистическая научная программа французского ученого и философа Рене Декарта опиралась на опыт математики. Картезианцы делали упор на строгость и беспристрастность процедур дедуктивного вывода, полагая, что связь науки с реальностью гарантируется очевидностью исходных предпосылок исследования. Первый принцип Декарта — «не принимать за истинное ничего, что я не признаю бы таковым с очевидностью... включать в свои сужде-

что необходимые эксперименты нам доказывают, не должно ставиться под сомнение (и того менее осуждаться) на основании свидетельств из библейских текстов, за словами которых могут скрываться весьма разные смыслы» (Galileo 1615). Как отмечал в свое время Э. Кассирер, «столь резкое сопротивление церковных властей вызвала не новая космология: в качестве простой математической «гипотезы» систему Коперника можно было допустить точно так же, как и систему Птолемея. Но тем, что невозможно было терпеть и что угрожало самим основаниям церковной системы, стало новое понятие истины, провозглашенное Галилеем. Наряду с истиной откровения появляется теперь совершенно самостоятельная, изначальная и независимая истина природы» (Кассирер 2004: 59).

9. Как признавал английский клерикальный философ XIX в. Уильям Хьюэлл (Whewell), «это была именно схоластическая система, комбинация философии с теологией, чей авторитет был поставлен под вопрос. Воплощением же ее следует считать Аристотеля в том виде, как его образ навязывали Учителя церкви. Когда от людей требовали подчинить ум канонам этой системы, естественная любовь к свободе в груди человека и спекулятивные тенденции его интеллекта возвышались, порой, до протеста против правящего притеснения» (Whewell 1847: 156).

ния только то, что представляется моему уму столь ясно и отчетливо, что никоим образом не сможет дать повод к сомнению» (Декарт 1989/1637: 260). Научный авторитет Декарта базировался как на его работах по математике и оптике, так и на развитой им версии механистической натурфилософии.

Бэконисты разделяли с Декартом механистическую картину мира, но развивали альтернативную картезианству научно-методологическую программу, отталкиваясь от проектов англичанина Фрэнсиса Бэкона по обновлению форм и методов научной деятельности. Они критиковали Декарта за априоризм, полагая, что научное знание рождается только из опыта путем его индуктивного обобщения.

Ньютоновство, в свою очередь, апеллировало к теоретической механике Исаака Ньютона как парадигмальному образцу научного знания, сочетавшему сильные стороны как бэконизма (опора на экспериментальное знание и индукцию), так и картезианства (математизация дедуктивного обоснования научных результатов).

Эта классификация, отразившая неоднородность методологических установок в европейском научном сообществе XVII в., нередко воспринималась, однако, в духе известной бэконовской притчи, противопоставившей паука — «чистого теоретика» и муравья — «чистого собирателя фактов», что существенно искажало реальную картину. Вопреки распространенному мнению, лидеры научной революции XVII в. не были эпистемологическими радикалами. Декарт не отрицал важной роли опыта в познании¹⁰, а Бэкон, как явствует из его притчи, отверг не только метод паука-теоретика, но и метод муравья-эмпирика, отдав предпочтение методу пчелы, избирающей «средний способ» между эмпириком и рационалистом (Бэкон 1978/1620: 56). В любом случае разногласия между картезианцами и бэконистами не должны заслонять того факта, что это были споры среди союзников в борьбе за новую науку. Так, Лондонское Королевское общество, лидеры которого не скрывали

10. «Что касается опытов, то... они тем более необходимы, — отмечал Декарт, — чем далее мы продвигаемся в знании... [В] зависимости от больших или меньших возможностей производить опыты я буду быстрее или медленнее продвигаться в познании природы» (Декарт 1989/1637: 287, 288).

своей приверженности идеям Бэкона, имело в своих рядах людей разных взглядов, в том числе картезианцев¹¹.

Формирование более адекватного представления о науке периода научной революции потребовало более дифференцированного анализа, начало которому положила известная статья Т. Куна (Kuhn 1976). В науке этого периода Кун разграничил два кластера: классическую, или математическую, науку, с одной стороны, и экспериментальную, или бэконистскую, — с другой. Первый кластер, включавший математику, астрономию, статическую механику, оптику и гармонику, в условиях научной революции хотя и претерпел существенную трансформацию (открытия Кеплера и Галилея, разработка дифференциального и интегрального исчисления и т.п.), но развивался в рамках традиции, сложившейся еще в античную эпоху (Kuhn 1976: 5–8). Опытнo-экспериментальное начало в этой традиции всегда присутствовало, но не играло ведущей роли и не обрело ее с подъемом бэконизма (там же: 10, 13–14).

Главное, что принесла — согласно Куну — научная революция, было формирование второго кластера: эмпирической науки нового типа, вовлекшей в свою орбиту многие новые научные области (в частности, магнетизм, электричество, тепловые явления), в которых прежде работали лишь ремесленники (см.: там же: 15). Отличительной особенностью этих «бэконистских наук» была опора на эксперименты, которые предполагали создание таких условий для изучения природных явлений, которые без вмешательства человека были невозможны. Сам Бэкон называл такой подход «кручением львиного хвоста» (см. там же: 12)¹².

По уровню своего развития бэконистские науки отставали, по мнению Куна, от классических. «Как их исследовательская литература, так и модель развития походила не столько на совре-

11. Характерно, что при обсуждении Устава Королевского общества радикальное предложение Р. Гука «не допускать на еженедельных собраниях Общества дебатов, касающихся гипотез или философских принципов... без специального решения Общества или разрешения его Президента» (Hall 1976: 61), было отвергнуто. Принята была менее обязывающая формулировка соответствующего пункта: «На своих регулярных собраниях Общество занимается упорядочением, рассмотрением и обсуждением философских экспериментов и наблюдений; чтением, заслушиванием и обсуждением писем, докладов и других материалов на философские темы...» (Weld 1848: 526–527).

12. О трансформации понятий опыта и эксперимента в XVII в. по сравнению с аристотелевской традицией см.: (Dear 1995: ch. 1).

менную им классическую науку, сколько на то, что ныне можно обнаружить в ряде общественных наук» (там же: 15). Кун считал, что математическая и экспериментальная науки мало пересекались одна с другой, но признал, что Ньютон был исключением из этого правила, так как внес вклад в обе научные традиции. Последнее, впрочем, не означало их синтеза, но лишь наличие двух линий влияния на науку: одной — основанной на «Началах» Ньютона, другой — на его «Оптике» (там же: 16–18).

Влиятельность альтернативных методологических установок не только различалась по дисциплинам, но и менялась во времени. Первая работа, призвавшая к коренному преобразованию науки — «Новый Органон» Фрэнсиса Бэкона — была опубликована в 1620 г., но не получила заметного отклика вплоть до 1640-х годов (см.: Рунгер 2009/1967: 63–65; Lynch 2002: 12–14). Открытия Коперника в XVI в., работы Кеплера, Галилея, Гарвея в первой трети XVII в. можно считать симптомами накопления потенциала грядущей революции, однако масштаб самого явления еще не выявился.

Ситуация начала меняться с распространением идей Декарта. Его «Рассуждение о методе» вышло в свет в 1637 г., в том же году экземпляры книги читали в Англии, а в 1649 г. появился и ее английский перевод (см.: Hutton 2019: 499). К середине столетия именно картезианская рационалистическая научная программа стала самой влиятельной альтернативой как средневековой схоластики, так и популярным в то время концепциям герметизма (см. Rattansi 1968)¹³. Свою философию Декарт открыто противопоставил «удобному для весьма посредственных умов» «способу философствования... нынешних последователей Аристотеля», которые подобны слепому, «который, чтобы драться на равных условиях со зрячим, завел бы его в какой-нибудь темный подвал» (Декарт 1989/1637: 291). Влияние картезианства испытали на себе почти все выдающиеся ученые эпохи научной революции, причем не только во Франции, где идеи Декарта и его последователя Мальбранша были особенно популярны, но и в других странах, включая Англию, где по картезианским трактатам учились и Роберт Бойль, и Томас Гоббс, и Джон

13. «Натурфилософия Декарта и его оппонента Гассенди, на волне недовольства аристотелизмом, стали доминировать над всеми альтернативами к 1660 году. Их превосходство оказалось недолгим, но оно было решающим» (Des Chene 2006:75).

Локк, и Исаак Ньютон. «Декарт, — отмечает П.П. Гайденок, — был одним из тех, кто создавал в XVII в. новое понятие науки, — науки, которую без преувеличения можно назвать *универсальной механикой* и под знаком которой жил не только XVII век, но и добрая часть XVIII столетия» (Гайденок 1987: 197).

Однако в Англии распространение картезианства вызвало ответную реакцию. В 1640-е годы в Англии возникло несколько пересекающихся просветительских и научных сообществ, лидеры которых хотя и принимали многие постулаты картезианства, но отвергали его методологическую доктрину в пользу принципов индуктивной и экспериментальной науки Фрэнсиса Бэкона¹⁴.

На базе этих сообществ в середине 40-х годов возникли дискуссионные клубы, в которых обсуждались результаты проводимых исследований и наблюдений. Именно в таких дискуссиях родилась идея создания научного общества, которая после реставрации в Англии монархии в 1660 г. получила поддержку со стороны нового короля и привела к учреждению в 1660–1662 гг. *Лондонского Королевского общества по совершенствованию естествознания*, что стало еще одним этапом в развертывании Научной революции (Lynch 2002: 15–19).

Следуя заветам Бэкона, Общество провозгласило своей целью культивировать «плодотворную», т.е. полезную науку, объединив в своих рядах не только ученых-естествоиспытателей, но и так называемых «виртуозов» — собирателей данных о необычных природных явлениях, экзотических экспонатов; изобретателей и экспериментаторов-любителей, преимущественно из числа аристократов и придворных, имевших досуг для наблюдений или изобретения новых технологий и механизмов (Hunter 1976: 34–35). Королевское общество было открыто для английской публики и вело обширную переписку с единомышленниками в разных странах, привлекая их к сотрудничеству. С 1665 г. началось издание его журнала («*Philosophical Transactions*»). Все это способствовало распространению знаний, а заодно росту общественного влияния

14. Так, Уильям Петти, один из активных участников этих сообществ, медик, и позже автор экономических сочинений, уже в 1648 г. характеризовал в переписке Декарта, используя бэконовские образы, «таким же пауком, как и схоласты, занятым вытягиванием паутины из голых предположений и принципов, возможно, и верных, но очень абстрактных и общих» (цит. по: Henry 2013: 117–118).

бэконизма и самого Королевского общества, а также формированию реального конкурента картезианству в среде приверженцев «новой науки».

Однако до победы «новой науки» было еще далеко. В университетах по-прежнему преобладал дух христианизированного аристотелизма¹⁵, над чудаковатыми учеными насмехались современные сатирики, а Королевскому обществу хронически не хватало денег даже на повседневную деятельность.

Перелом в судьбе научной революции наступил только в XVIII в., во многом благодаря успеху главного сочинения Исаака Ньютона — «*Математических начал натуральной философии*», — содержащего то, что сегодня принято называть физикой Ньютона. Хотя первое издание «*Начал*», вышедшее в свет в 1687 г., вызвало неоднозначную реакцию, оно привлекло на сторону Ньютона целую когорту активных сторонников, которые стали разъяснять его идеи образованной публике и внедрять их в образовательные программы. В результате уже в конце XVII в. физика Ньютона преподавалась в ряде университетов Англии и Шотландии (Wood 2003:100).

Дальнейшему продвижению ньютонизма активно содействовало Королевское общество. Ньютон был принят в его члены еще в 1672 г., однако вплоть до начала XVIII в. его участие в работе общества было эпизодическим. Ситуация изменилась в 1703 г., когда после смерти Роберта Гука, одного из главных идеологов Общества и постоянного оппонента Ньютона, последний согласился на избрание его президентом (Keynes, Milo 1995: 17; 47). С этого времени и до конца жизни Ньютона в 1727 г. деятельность и имидж Королевского общества были неразрывно связаны с его именем. Прежде всего это было обусловлено научной репутацией самого Ньютона, но и Королевское общество не оставалось в долгу, поддерживая эксперименты и публичные шоу, иллюстрировавшие ньютоновские принципы (См.: Schaffer 1989: 616).

Риторика Ньютона не противоречила исходной бэконизмской идеологии Королевского общества: он еще в начале 1680-х годов отказался от картезианской физики, построенной вокруг

15. Так, в 1668 г. вице-ректор Кембриджского университета запретил своим декретом обсуждение картезианской философии, подтвердив, что их основой должна быть исключительно философия Аристотеля (См.: Henry 2013: 137).

«теории вихрей» (Anstey 2005: 203), и неизменно подчеркивал свою приверженность принципам экспериментальной науки. Именно в период своего президентства Ньютон сформулировал знаменитый девиз «Гипотез не измышляю!». Однако в своей исследовательской практике он далеко не всегда следовал принципам, которые провозглашал: в его работах находилось место и для гипотез, и для априорных постулатов (см.: Гайденок 1987: 248–251; Domski 2012: 365). Как и пионеры научной революции, он хотел восстановить уверенность в знании: «Реалистично-математическая наука, первопреходцами которой были Галилей и Кеплер, и факто-ориентированная экспериментальная наука, как ее продвигали Бэкон и другие, как раз и были призваны обеспечить такую уверенность, при условии их более целенаправленного применения в духе “*Начал*” и “*Оптики*” [Ньютона], соответственно» (Cohen 2011: 672). Но даже «*Оптика*», его вторая крупная работа (1704), в которой экспериментальная составляющая играла гораздо большую роль, чем в «*Началах*», представляла собой, по выражению Томаса Куна, «не-бэконизмское применение бэконизмского эксперимента» (Kuhn 1976: 18).

Так что, став в роли президента Королевского общества формальным главой бэконизма, Ньютон как ученый своим примером утверждал иную научную программу, отличную и от установок Бэкона, и от линии первых идеологов Королевского общества¹⁶. Но с ростом популярности Ньютона его «экспериментальная философия» стала пониматься расширительно, вобрав в себя различные версии «новой науки»¹⁷. В результате тот факт, например, что физики-экспериментаторы объединились с ньютоновскими математиками под общим флагом Ньютона, не мешало им сочетать приверженность флагу со скептическим, и даже уничижительным, отношением к математике (см.: Shank 2008: 193).

16. В самом Королевском обществе, с уходом в конце XVII и начале XVIII в. Бойля и Гука, главных энтузиастов факто-ориентированной экспериментальной науки, наметились смена приоритетов в пользу чистой науки и падение интереса к техническому изобретательству и прикладному знанию (Espinasse 1974/2011: 348–352; 364–368). Общей тенденцией было подстраивание понятия экспериментальной науки под образец ньютоновской математизированной физики при одновременном оттеснении другого ключевого компонента бэконизмской программы — естественной истории — в сторону описательно-классификационного знания (см.: Anstey 2014a: 124).

17. О версиях бэконизма см.: (Anstey 2005: 224–226), ньютонизма — (Schaffer 1989: 624).

Во Франции ситуация развивалась иначе. В идейном отношении это было обусловлено влиянием картезианства. Первая волна интереса к идеям Декарта была откликом на публикацию его основных работ в конце 30-х и в 40-е годы XVII в. Ни отсутствие самого Декарта в стране в этот период, ни его смерть в 1750 г. не помешали формированию во Франции в 1750–1760-е годы влиятельного интеллектуального сообщества его последователей [Roux 2019: 773–774]. Церковь, прежде всего представители иезуитов, стремилась ограничить это влияние и в 1771 г. добилась от Людовика XIV официального запрета (как ранее в Кембридже) на использование работ Декарта в университетах.

Однако к концу XVII в. усилиями его учеников во главе с католическим священником Николя Мальбраншем влияние картезианства на общественное мнение и научную мысль обрело новую силу, а его сторонники надолго заняли ключевые позиции в Парижской академии наук [Shank 2008: 464]¹⁸. Именно на этом фоне происходило восприятие идей Ньютона, причем как раз в то время, когда в Англии ньютоновство утверждалось в роли научного лидера. В результате рецепция Ньютона во Франции прошла несколько этапов.

Первое издание «Начал» Ньютона получило в Париже весьма благожелательный прием, но расценивалось как математическая работа, не противоречащая картезианской математике. Физические же концепции Ньютона, прежде всего идея взаимодействия тел на расстоянии, не совместимая с учением Декарта, были отвергнуты как необоснованные и не заслуживающие особого внимания [Shank 2008: 55–65]¹⁹.

18. О том, что на родине идеи Декарта были и приняты, и отвергнуты с запозданием, напишет позже в своей «Энциклопедии» д'Аламбер: «...Его [Декарта] вихри были опровергнуты раньше, чем мы додумались их допустить. Мы столь же долгое время были склонны их поддерживать, как раньше отказывались их принять» (д'Аламбер 1751/1994: 111).

19. Показательно сравнение Декарта с Ньютоном, содержащееся в мемориальной лекции ученого секретаря Парижской академии Бернара де Фонтенеля на ее специальной сессии, посвященной памяти Ньютона в 1727 г.: «Эти два великих человека, которых ныне так часто противопоставляют друг другу, в действительности имели много общего... Оба были гениями высшего ранга, рожденными направлять другие умы и основывать империи... Но первый (Декарт), избрав более амбициозный путь... стал мастером ясных и фундаментальных первопринципов. От них он спустился через последовательность необходимых ступеней к частным истинам природы... Другой (Ньютон), более скромный и осторожный, отправлялся от явлений, с тем чтобы затем подняться

Выход в свет «Оптики» в 1704 г. и второго издания «Начал» в 1713 г., в которых Ньютон настаивал на своих физических концепциях, прямо противопоставляя их картезианским, стимулировал новые дискуссии и появление группы французских ньютоновцев. Их лидер Пьер Мопертюи инициировал эмпирическую проверку конкурирующих теорий в отношении формы земного шара, который, по образному выражению Вольтера, в Париже (т.е. картезианцами) представлялся «в форме дыни», а в Лондоне (т.е. по Ньютону) – «сплюснутым с двух концов» (см.: Вольтер 1734/1988: 130). Геодезические экспедиции в 1730-е годы в Лапландию и Южную Америку подтвердили правоту Ньютона, что способствовало росту влияния его сторонников в Парижской академии.

Включившийся в кампанию по поддержке ньютоновской модели науки Вольтер отдал должное Декарту за его борьбу со схоластикой, но раскритиковал его физическую доктрину за «дух системосозидания», из-за которого «его философия стала всего лишь увлекательным романом, самое большее правдоподобным для невежд» (там же: 134). Соответственно, Ньютону Вольтер отдал роль «разрушителя картезианской системы» (там же: 131). Адресованное широкой читающей публике, выступление Вольтера способствовало распространению ньютоновских идей, которые, в свою очередь, стали составной частью идеологии французского Просвещения и нашли отражение во многих статьях знаменитой «Энциклопедии» Дидро и д'Аламбера.

Важно отметить, что большинство философов-просветителей не были членами Парижской академии, составляя отдельное интеллектуальное сообщество. «Энциклопедисты вышли из иной [чем «академики»] научной среды провинциальных академий, и хотя почти все жили в Париже, их научная жизнь протекала вне Королевской Академии – в лекционных залах для публики, читальнях, салонах, кафе и других местах обитания неофициального и публичного фермента науки, который множился и распро-

до неизвестных принципов... Очевидные принципы первого не всегда вели к явлениям, какие они есть, тогда как явления другого не всегда вели к достаточно очевидным принципам... Но барьеры на их пути были не барьерами их умов, но барьерами человеческого ума как такового» (цит. по: Shank 2008: 173).

странял свое влияние весь восемнадцатый век» (Shank 2014: 69). Такое положение сложилось не случайно²⁰. Согласно Коэну, оно отразило стремление правительства Людовика XIV воспользоваться плодами утилитарной науки, но не дать развиваться «кошунственным тенденциям», которые оно усматривало в картезианской догматике. Такая политика имела «непреднамеренный долгосрочный эффект: освобождающая от предрассудков мысль стала развиваться независимо от властей и все более им противостояла. Со временем и сама новая наука стала восприниматься в контексте выросшей из нее просвещенческой идеологии “философов” XVIII века» (Cohen 2011: 588).

Разделение ученого сословия на «академиков» и «философов» нашло отражение и в методологических установках обеих групп. В среде философов-просветителей установка на общественно-полезное знание делала их «надежными союзниками бэкониянской ветви новых наук», критиками «философских систем и гипотетико-дедуктивных рассуждений» (Shank 2008: 70-71). В академической науке между ньютонами и картезианцами в 40-е годы XVIII в. установилось перемирие. Обе стороны сошлись на том, что факты подтверждают ньютоновскую теорию всемирного тяготения, даже если действительная причина притяжения тел остается невыясненной (там же: 471). Дополнительным фактором, скрепившим этот союз, послужила их солидарная оппозиция натурфилософии Лейбница (см. там же: 431).

В результате, к середине XVIII в. под эгидой ньютонианства во Франции, как и в Англии, сложилось несколько гибридных его модификаций: картезианская, лейбницианская²¹, бэкониянская, среди которых самой влиятельной была первая — картезианское

20. В отличие от Лондонского Королевского общества, Парижская академия наук с самого начала была государственным учреждением. Если Королевское общество было обязано королю лишь своим названием, отразившим моральную поддержку, и самостоятельным юридическим статусом, то французские академики — на зависть английским коллегам (Hunter and Wood 1986: 62) — получили нечто более материальное, а именно государственное финансирование. Но государство определило и «правила игры»: сфера деятельности Академии была ограничена математикой и естественно-научными дисциплинами. Философы и гуманитарии в нее не попали.

21. Философия Лейбница оказала влияние на эволюцию взглядов Мопертюи — пионера французского ньютонианства (Shank 2008: 431), позже, по приглашению короля Карла Великого, работавшего в Германии во главе Берлинской академии.

ньютонианство. Его выразителем выступил Жан д’Аламбер, одновременно академик и энциклопедист, ключевая фигура французского Просвещения (см. там же: 470)²². В своей вводной статье к первому тому *Энциклопедии* «он отчетливо показал, как за три десятилетия образовался французский ньютонианский сплав картезианской математизации и скептического английского эмпиризма, и одновременно прославлял научную эпистемологию математической школы Парижской академии» (там же: 497). Характерно, что, признав физику и метафизику Декарта устаревшими («его вихри стали ныне почти смешными»), его методологию д’Аламбер оценил иначе, отметив, что «один только его метод был бы достаточен, чтобы его обессмертить» (д’Аламбер 1751/1994: 104).

Подытожим наш обзор. В течение XVII—XVIII вв. общенаучная среда в ведущих странах Западной Европы изменилась радикально. Если в начале XVII в. в ней господствовали каноны средневековой схоластики, лишь слегка поколебленные открытиями Коперника и Галилея, то в конце XVIII в. идеалом науки стала ньютоновская физика с ее императивами математической строгости и экспериментальной достоверности знания. Но это не была унифицированная модель. Наука Нового времени формировалась как спектр научных программ²³, объединенных общими целями, но различавшихся в оценке отдельных научных практик и методов. Разногласия отражали объективное противоречие процесса познания: одни острее сознавали, что рациональность математических доказательств не может гарантировать адекватности принимаемых исходных посылок; другие — что данные опыта могут обманывать, выдавая видимость за сущность.

Научная революция характеризовалась сложной внутренней динамикой, особенно интенсивной во второй половине XVII

22. В историко-научной литературе методологические взгляды д’Аламбера нередко характеризуются как сугубо рационалистические, а его высказывания в пользу экспериментальной науки в *«Энциклопедии»* — как конъюнктурные. Однако более правдоподобно иное объяснение его позиции. Как показано в (Anstey 2014b), рационалистический метод д’Аламбер связывал лишь с теоретической механикой, отличая его от методологии других — эмпирических — наук, то есть склонялся к своего рода методологическому плюрализму.

23. П.П. Гайдено (1987) выделяла научные программы Р. Декарта, атомистов (П. Гассенди — Х. Гюйгенс — Р. Бойль), И. Ньютона и Г.В. Лейбница. Другие авторы ссылаются в этом контексте также на Ф. Бэкона и Дж. Локка (Pribram 1983; Coleman 1995).

и в первой половине XVIII в. Первой альтернативной схоластике научной программой стала рационалистическая и механистическая программа Декарта. Она была сформулирована в 40-е годы XVII в. и оставалась влиятельной в Англии, как минимум, до конца 80-х годов, а во Франции господствовала вплоть до начала 40-х годов XVIII в. В Англии почти параллельно с ней, с 40-х гг. XVII в. получило развитие бэконизм — научная программа, которая апеллировала к идеям эмпирической и экспериментальной науки, провозглашенным еще в начале того же столетия Ф. Бэконом. Высшая фаза ее развития пришлась на 60–90-е годы XVII в. и была связана с учреждением и первым периодом деятельности Лондонского королевского общества.

Важнейшей вехой в истории научной революции была публикация в 1687 г. «*Математических начал натуральной философии*» Ньютона, которая выдвинула автора на лидирующие позиции в современной ему науке и со временем позволила закрепиться в этой роли. В Англии это выразилось в символическом акте избрания Ньютона президентом Лондонского королевского общества в 1703 г., во Франции это произошло с большим опозданием ближе к середине XVIII в., после серии «ньютоновских войн» и смены поколений в Парижской академии. Однако и в том, и в другом случае ньютонизм не было единой научной программой. В Англии оно формально выступило продолжателем бэконизмской традиции, но фактически включило в себя две ветви: экспериментальное бэконизмство в духе «*Оптики*», преемственное с традицией Бэкона — Бойля, в рамках которого математика занимала более или менее скромное место; и математическое ньютонизмство в духе «*Начал*», антагонистичное картезианству в области физики, но мало отличное от него в сфере методологии. Французское ньютонизмство было еще более разнородным. Наряду с ведущей академической версией картезианского ньютонизма — сходного с английским сочетания физики Ньютона и метода Декарта, сложилось интернациональное направление лейбницевского ньютонизма, имевшее сторонников также в Германии и Швейцарии, и, наконец, своеобразная версия бэконизмского ньютонизма, более характерного в кругу просвещенческих философов, чем среди «академиков».

3. Идеология

Социально-экономическая трансформация западноевропейских обществ и научная революция не могли не сказаться на сфере идеологии, в частности и прежде всего на представлениях об обществе и месте в нем человека. В самом общем виде это выразилось в ослаблении идеологической роли религии. Тенденция к секуляризации развивалась постепенно и принимала различные формы.

Сложившийся ранее корпус знания по «ойкономии» имел преимущественно морально-философский, нравоучительный характер, в истинности своих суждений авторы убеждали ссылаясь на религиозные догматы и труды авторитетных мыслителей. Иное дело — вопросы экономической политики, составившие предмет меркантилистской литературы. Здесь подобные ссылки не работали: отчасти, потому что в канонических текстах такие вопросы не затрагивались; отчасти — в тех случаях, когда церковь имела свою позицию — из-за неадекватности этой позиции новым реалиям, что, по крайней мере в Англии XVII в., вело к утрате ее бывшего влияния. Так, исследователь этой эпохи У. Летуин отмечал, что «после 1660 г. суждения богословов на тему денег почти перестали упоминаться даже в примечаниях, а церковь от любых высказываний по экономическим вопросам стала воздерживаться» (Letwin 1963/2003: 82).

Католическая церковь — в отличие от англиканской — действовала иначе и не уклонялась от участия в обсуждении экономических проблем. Так, теологи-иезуиты, в особенности связанные с университетом Саламанки в Испании (см.: Афанасьев 2004; Grice-Hutchinson 1952), стремились адаптировать к реалиям рыночных отношений саму религиозную доктрину.

Свое отношение к меняющимся общественным условиям сформулировало влиятельное течение янсенизма — по имени голландского богослова Корнелия Янсена (Янсения), — относившееся к августиновскому, оппозиционному к официальному томизму, направлению в католицизме. Как особое интеллектуальное течение янсенизм сформировался в XVII в., и был уже продуктом Нового времени, во многом восприняв картезианскую механистическую картину мира. По выражению одного из лидеров янсенистов Пьера Николя, «все в мире естественно сводится к своего рода равновесию». Описывая

природный мир, в котором «каждая частица материи» находится под давлением других тел, он утверждал, что «это и есть образ тех оков, которыми себялюбие каждого индивида ограничивает себялюбие других, не позволяя действовать вольно, следуя одним лишь желаниям». Наконец, заслуживает внимания ссыла на декартовы «вихри» в том месте, где Николь пишет о неопределенностях, присущих жизни, «незащищенной от тысячи случайностей» (Faccarello 1999: 21).

Моральная доктрина янсенизма отличалась ригористическим отношением к земному существованию человека: природа человека считалась порочной, а спасение — не зависящим от его дел²⁴. Однако, следуя этой линии, янсенисты разграничивали то, что Джейкоб Вайнер назвал «субъективной» и «объективной» моралью, имея в виду, с одной стороны, субъективное отношение человека к тому, что он делает, и с другой — оценку объективных последствий его действий (Viner 1978: 133–134). Поэтому, хотя себялюбие как субъективное начало считалось абсолютно греховным, из этого не выводилась греховность объективных результатов эгоистического поведения. То, что греховность людей не мешает им жить в обществе, было, согласно толкованию знаменитого юриста Жана Домá, не чем иным, как проявлением божественной мудрости. «Мы видим, — писал Домá в 1695 г., — что себялюбие, этот принцип всех зол, в теперешнем состоянии общества служит основанием, из которого проистекает бесчисленное множество добрых эффектов... Таким образом, мы можем рассматривать этот яд общества в качестве лекарства, которое Бог использует для его поддержки; видя, что хотя все, рожденное в людях, которых он оживляет, оказывается испорченным, тем не менее обществу это дает все эти преимущества» (цит. по: Hengstmengel, Joost. 2019: 144–145). Еще раньше, в 1675 г., за столетие до Адама Смита, ту же мысль Пьер Николь выражал с помощью ставшей впоследствии знаменитой метафоры «невидимой руки»²⁵.

24. В литературе по янсенизму, впрочем, отмечалось, что подобная ригористичная позиция относилась скорее к народу, допуская исключения для «духовной элиты» общества (См.: Viner 1978: 135–137).

25. Николь писал, имея в виду Бога: «Выбирает ли Он, чтобы мы жили привычным образом, или выбирает необычный чудодейственный путь, это всегда Он, кто действует и поддерживает нас. И нам надлежит узнавать Его руку и Его всемогущее деяние независимо от того, скрывает Он [свои действия] или делает их явными» (цит. по: Faccarello 1999: 33).

Полемикой с иезуитами, заимствованием картезианских идей, а главное, популярностью среди образованной публики, янсенисты навлекли на себя гонения со стороны папского престола и королевских властей, но это не привело к утрате влияния на французскую интеллектуальную элиту эпохи Просвещения, включая ту ее часть, которая обеспечила подъем французской экономической мысли. Впрочем, по выражению Вайнера: «Просвещению для восприятия янсенистской доктрины потребовалось немногим больше, чем проигнорировать ее субъективную мораль» (Viner 1978: 140). Такая тенденция наметилась уже на рубеже XVII и XVIII в. в работах Пьера де Буагильбера, который воспринял у янсенистов и идею равновесия, и идею его хрупкости, но придавал им экономическое содержание. Речь у него шла о конкурентном рынке, где равновесие так же неустойчиво, как «на кончике шпаги». Потому его поддержание перед лицом «жадности торговца... готового пожертвовать всем во имя своих интересов», по-прежнему не мыслилось без участия высшей силы (Faccarello 1999: 99). Позже, в середине XVIII в., влияние идей янсенизма прослеживается в деятельности интеллектуального круга Венсана де Гурнэ, включая его виднейшего представителя Жака Тюрго (см.: Orain 2014).

В протестантской Европе в роли главного связующего звена между средневековой схоластической традицией и обществоведческой мыслью Нового времени выступила школа нового естественного права, ставшая для общественных наук «открытием себя», по выражению Шумпетера, ибо именно в ее рамках сформировалось «представление о наборе взаимосвязанных явлений как основание для постановки “проблем”» (Шумпетер 1954/2001: 136).

Основоположником этого течения считается голландский правовед Гуго Гроций, но решающий шаг, отделивший эту школу «светских схоластов» (еще один термин Шумпетера) от средневековых предшественников, — заслуга Томаса Гоббса (Bobbio 1993: 150–154), чье творчество неразрывно связано с научной революцией. Вдохновленный примерами Коперника, Галилея и Гарвея, он надеялся применить их метод в политической (civil) философии (см.: Гоббс 1651/1989: 67–68). Гоббс был первым, у кого система естественного права строилась, исходя из человеческого, а не боже-

ственного разума²⁶. Приняв предпосылку примерного равенства индивидуальных способностей людей, включая умственные, Гоббс вывел из этого универсальность человеческого разума, полагая, что поведение каждого разумного и свободного человека строится на одних и тех же принципах, или естественных законах, — таких как стремление к миру, взаимность в ограничении прав, справедливость, беспристрастие и т.п. Однако та же однотипность поведения людей порождает, по Гоббсу, соперничество за ограниченные ресурсы и ведет к «естественному состоянию» войны всех против всех, что, в свою очередь, служит основой его главного вывода о необходимости общественного договора о подчинении людей одному суверену и создания тем самым Левиафана-государства (см.: Гоббс 1651/1991: 93–122; 132–133).

Если универсализм и индивидуализм Гоббса в подходе к общественным явлениям нашли много сторонников как внутри школы естественного права, так и вне ее, то вывод о необходимости неограниченной власти суверена был встречен критически и стимулировал поиск альтернативных путей «институирования общества» (см.: Пуфендорф 1678/2017: 145–146; Розанваллон 1979/2007: 46). Наибольший резонанс имели работы немецкого правоведа Самуэля Пуфендорфа и английского философа Джона Локка. Пуфендорф смягчил исходную предпосылку Гоббса, наделив индивидов в «естественном состоянии» склонностью к социальному взаимодействию, а договорную схему учреждения государства дополнил договором об *объединении* индивидов, который должен предшествовать их договору о *подчинении* суверену. Тем самым верховная власть получила в схеме Пуфендорфа первичную правовую рамку (Pufendorf 1673/2005: Book 2, ch. 1[5-6], ch. 6[3-9]). Локк продолжил эту линию дальше. «...У Локка общественный договор является договором об объединении, но не является договором о подчинении» (Розанваллон 1979/2007: 47–50). Субъектами же этого договора выступают не индивиды, готовые лишиться всего, кроме жизни, как у Гоббса, но индивиды вместе с их собственностью. Соответственно,

26. «...[М]ы должны прежде всего принять в соображение, — указывал Гоббс, — что счастье этой жизни не состоит в покое удовлетворенной души. Ибо не существует того *finis ultimus* и *summum bonum* [конечной цели и высшего блага], о которых говорится в книгах старых философов морали» (Гоббс 1951/1991: 74).

общественный договор трансформировался у Локка в договор о защите собственности²⁷.

Гоббс, и в еще большей степени Пуфендорф и Локк, активно интересовались и собственно экономическими вопросами: стоимостью благ, ценами, контрактами, денежным обращением и пр. Это спровоцировало вопрос об их месте в истории экономической мысли. Одни авторы, преимущественно неэкономисты, называли Гоббса едва ли не отцом политической экономии (Бертран де Жувенель, цит. по: Taylor 2010: 429–430), а Пуфендорфа — ее дедом (Sæther, Arild. 2017: 268–270). Другие — большинство экономистов — о вкладе теоретиков естественного права в собственно экономическую теорию высказывались скептически. О Гоббсе как экономисте показательное высказывание Уильяма Летуина: «...Об экономической теории Гоббс сказал мало, почти ничего» (Letwin 1972: 143). Из ведущих историков экономической мысли наибольшее значение этой традиции придавал, вероятно, Шумпетер, но и он пришел к выводу, что «философы естественного права стремились создать... всеобъемлющую теорию общества во всех его аспектах... в которой экономическая наука не была ни особо важным, ни самостоятельным элементом... [Их] экономическая теория по сути не содержит ничего нового по сравнению с теорией [позднего схоласта] Молины» (Шумпетер 1954/2001: 149, 155).

И все же не приходится сомневаться, что секуляризация дискурса об обществе, объяснение социальных явлений на основе поведения индивидов, преследующих свои частные интересы, предпосылки равенства способностей людей и их равноправия перед законом, локковская «теория собственности» и некоторые другие принципы, артикулированные школой естественного права, привнесли в общественное сознание новое понимание общества и человека, оказав существенное влияние на развитие обществознания в целом и на творчество ряда виднейших представителей экономической мысли XVIII в., в частности Франсуа Кенэ и Адама Смита²⁸.

27. «...[В]еликой и главной целью объединения людей в государства и передачи ими себя под власть правительства является сохранение их собственности» (Локк 1690/2014: 348).

28. Хорошо известно, например, что Смит был учеником Френсиса Хатчесона, который преподавал моральную философию на основе комментированного перевода популярного учебника Пуфендорфа (см.: Clark 1988: 75).

Еще одним следствием процессов секуляризации было обесценивание прежних авторитетов и привычных способов аргументации. В результате меркантилистская литература нередко принимала откровенно лоббистский характер, что не могло не вызывать к ней недоверия. Авторам приходилось идти на разные ухищрения, чтобы привлечь внимание к своим идеям: клясться в собственной беспристрастности, уверять в невозможности конфликта между их частным интересом и общим благом; издавать памфлеты анонимно, чтобы скрыть свою аффилиацию, и даже приписывать их третьим лицам (Letwin 1963/2003: 87–92). Но это были слабые аргументы, особенно в эпоху, когда запрос на достоверность фактов и объективность знания принял форму научной революции — процесса, который разворачивался параллельно и, вероятно, не без взаимного влияния с социально-экономическими преобразованиями. Измеримость объектов, точность данных, проверяемость фактов — все эти требования были не менее актуальны в торговле и кредитном деле, чем в науке. Исследования историков показывают, что порожденные этими требованиями коммерческие практики в итальянских, голландских и английских городах появились еще до начала научной революции (см.: Cook 2007; Cook 2012; Leng 2013). Высказывается даже предположение, что Фрэнсис Бэкон, ее идейный вдохновитель, мог выстраивать свою индуктивистскую интеллектуальную стратегию, исходя из опыта именно коммерсантов, сообщество которых он хорошо знал (Leng 2013: 101, 106). Однако

уже к концу XVII в. под влиянием успехов научной революции спрос на объективность и достоверность экономического знания трансформировался в стремление придать ему научный характер, и как раз на тех принципах, которые эта революция провозглашала.

1. Эволюция меркантилизма

В течение XVII–XVIII вв. трансформация экономической мысли прошла несколько этапов. Поначалу даже ее разделение на два дискурса, более традиционный «об экономии» и новый — «о коммерции», не выходило за общие рамки схоластической социально-философской традиции, согласно которой общество мыслилось по аналогии с живым организмом как «политическое тело». Эта метафора изначально имела прозрачные монархические коннотации: общественные сословия уподоблялись органам тела, выполняющим каждый свою функцию, а деньги были аналогом крови, которая, по каноническому учению древнегреческого медика Галена, вырабатывалась печенью и по команде головы питала все остальные органы.

Иллюстрацией раннего меркантилизма может служить дискуссия 20-х годов XVII в. между Жерарем де Малином и Эдвардом Мисселденом. Будучи коммерсантами, а не теологами, оба оппонента тем не менее стилистически равнялись на схоластов: свободно оперировали античными и средневековыми источниками, цитировали древних поэтов и изъяснялись образами галеновской медицины²⁹ (см.: Finkelstein 2000). Проблемы в английской экономике оба связывали с нехваткой драгоценных металлов, но расходились в оценке ее причин. Малин объяснял отток денег из страны действиями банкиров, проводивших межстрановые коммерческие расчеты по «спекулятивному» (читай: рыночному) обменному курсу, который он считал несправедливым и не выгодным для Англии. Мисселдена рыночный обменный курс не смущал. На первый план

29. Малин подытоживал свой памфлет словами: «Золото — это само тело и кровь королей, деньги — посредник между подданными и их королями, торговля — чудо небесное, соединяющее их вместе» (Malines 1623/7). Мисселден (1622), в свою очередь, описывал опасности, связанные с действиями голландцев против Англии, такими словами: «...И тогда вены от печени нашего Великого Тела окажутся открытыми, изобилие жизни из него выйдет, фонтан печени расстроится и ослабнет..., Великое Тело истомится и со временем впадет в маразм или изнурительную лихорадку» (цит. по: Finkelstein 2000: 59).

он ставил именно вопрос о торговом балансе, и даже попытался количественно оценить соотношение импорта и экспорта за 1612 и 1621 гг., продемонстрировав во втором случае дефицит баланса как причину обострившейся нехватки денег в стране³⁰ (Misselden 1623: 119–129). Малин видел решение проблемы в усилении государственного регулирования обменного курса, прежде всего за счет восстановления службы королевского валютного контролера, тогда как Мисселден возражал против мер, мешающих коммерсанту вести прибыльный бизнес, но при этом выступал за ограничение импорта роскоши, содействие экспорту обработанных изделий и увеличение денежной массы.

В историю экономической мысли эта дискуссия вошла темой торгового баланса³¹, которая в дискурсе о коммерции заняла центральное место. На роль этой темы в формировании научного знания справедливо указал Филип Миrowsкий: «Пусть и не слишком явное, это было первое появление принципа сохранения в западной экономической мысли. Стоимостной агрегат здесь мыслится как подлежащий сохранению в сфере товарного обмена, осуществляемого с помощью исключительно национальной валюты... Следуя Аристотелю, меркантилисты, писавшие о торговом балансе, приняли деньги в качестве подходящего знака стоимости и определили государство как единицу своего анализа... [В этом контексте] торговля концептуализировалась как движение недифференцированной и сохраняемой стоимостной субстанции, а приостановка этого движения — как равновесие» (Mirowski 1989: 148–149).

Теоретическое значение своего подхода понимал и сам Мисселден: «Прежде, — признавал он, — мы воспринимали это чувствами, но теперь знаем научно; прежде мы наблюдали это на практике, теперь понимаем спекулятивно» (Misselden 1623: 130). В ту пору ученость еще ассоциировалась со схоластическими толко-

30. Памфлет Мисселдена был посвящен лорду-казначейу Англии сэру Крэнфильду — соавтору первого английского баланса торговли (см.: Curginuk 2013: 18–19).

31. Первые публичные дебаты о торговом балансе не означают, что этот вопрос прежде вообще не затрагивался. Само понятие такого баланса было в ходу уже в XVI в., а в 1615–1616 гг. в английских правительственных документах, в частности в письме Фрэнсиса Бэкона, появился и соответствующий термин (Viner 1930: 257).

ваниями Аристотеля³², единицей анализа служили «политические тела» в виде абсолютных монархий, и речь шла об отношениях между такими «телами», тогда как внутренний порядок находился в ведении суверена и оставался за скобками анализа³³.

Но времена уже менялись: в 1620 г. Фрэнсис Бэкон выпустил свой «Новый научный органон» в противовес «Органону» Аристотеля; в 1628 г. Уильям Гарвей опубликовал новую теорию кровообращения, опровергавшую медицинскую систему Галена, а в 1651 г. Гоббс в «Левиафане» переосмыслил на основе теории Гарвея метафору «политического тела». В новой ее версии деньги по-прежнему были «кровью государства», но представлялись уже не благом, ниспускаемым сверху по воле суверена, а естественным процессом денежного обращения, соединяющим отдельные части государственного механизма³⁴. На экономическую мысль влияние оказали две идеи, заимствованные у Гарвея: кругового движения и непрерывного движения (см.: Desmedt 2005: 87). Аналогия с кровообращением подсказала Уильяму Петти, медику по образованию, как можно оценить количество денег в обращении, а затем Джону Локку, тоже медику, ввести понятие скорости обращения и развернуть интуицию Петти в целую теорию (см.: Петти 1664/1940: 84–85; Локк 1691/2019: 76–78; Humphrey 1993: 2–6).

В дальнейшем центр тяжести меркантилистской мысли смещался в сторону обоснования протекционизма — политики, ориентированной на расширение внутреннего производства как главного фактора активного торгового баланса. Устойчивое денеж-

32. Недостаточное знание Аристотеля было среди упреков, которые Мисселден вменял своему оппоненту (см.: Hengstmengel 2017: 76–77).

33. «Использование крови как метафоры денег в контексте галеновской медицины, — пишет современный исследователь этой дискуссии, — это явное свидетельство того, что неоаристотелевские мыслители понимали общество как ограниченное в своих размерах тело, которое лучше функционирует тогда, когда оно должным образом сбалансировано» (Wennerlind 2011: 39).

34. «...[Д]еньги (из какого бы материала суверен государства их ни чеканил) являются достаточно удобным мерилем ценности всех вещей в сношениях между подданными данного государства. Благодаря таким мерилам все товары, движимые и недвижимые, способны сопровождать человека повсюду, где бы он ни находился; а также переходить от человека к человеку внутри государства. Свободно перемещаясь, деньги питают на своем пути каждую часть государства; тем самым этот (ценностный) ступок выполняет в государстве, так сказать, кроветворную функцию. Ибо естественная кровь образуется точно таким же образом из продуктов земли и, циркулируя, попутно питает каждый член человеческого тела» (Hobbes 1651/1965: 193).

ное обращение выступало в этом контексте лишь условием беспрепятственного кругооборота товаров. Известный памфлет Томаса Мана «*Богатство Англии во внешней торговле*», опубликованный в 1664 г.³⁵, — характерный пример такого подхода. Ключевым было разграничение между «людьми, живущими ремеслами» и «теми, кто добывает плоды земли». Далее следовало пояснение, что первых «гораздо больше», и вывод: «старательнее всего поддерживать усилия тех многих, кто составляет наибольшую силу и богатство короля и королевства». Пример итальянцев, которые «дают работу многим людям и получают больше денег благодаря их усилиям по обработке сырого шелка», подкреплял этот вывод опытом (Ман 1664/1895: 17). Упор на создание рабочих мест для развития обрабатывающих производств стал едва ли не центральным звеном «производственного меркантилизма» по всей Европе, а тот же Локк дал ему философское обоснование: «...Если хлеб ценнее желудей, вино ценнее воды, а сукно или шелк ценнее листьев, шкур или мха, то всем этим мы целиком обязаны труду и усердию... Тот, кто сравнит, насколько одни из этих вещей превосходят другие по ценности, увидит, насколько труд составляет гораздо большую часть стоимости вещей, которыми мы наслаждаемся в этом мире». Долю труда в продукте на возделанной земле Локк оценил пропорцией 99 к 100 (Локк 1690/2014: 264 и 259–260).

В литературе XVIII в. этот комплекс идей был обобщен в доктрине «дохода, оплачиваемого иностранцами» (Johnson 1932: 761–769). Кроме иной формулировки принципа торгового баланса, требовавшей теперь, чтобы иностранцы платили за труд, затраченный в данной стране, больше, чем она платит за труд иностранцев, эта доктрина предполагала приоритет обрабатывающих производств над сырьевыми, нацеливая на то, чтобы превышение экспорта над импортом обеспечивалось товарами с высокой степенью обработки. И вновь подвижка состояла не в появлении принципиально новых идей, а в смещении акцентов. Торговый баланс выступал теперь не самоцелью, но фактором, обеспечивавшим дополнительную заня-

35. Точное время написания памфлета неизвестно, обычно он датируется серединой или концом 1620-х годов (см.: Finkelstein 2000: 77–78; Perrotta 2014: 94). Ман адресовал его сыну, который опубликовал работу через 23 года после смерти автора, когда миновала бурная эпоха гражданской войны и протектората Кромвеля.

тость населения³⁶. В условиях тогдашней Англии, где остро стояла проблема пауперизма, это была актуальная задача.

В Англии именно эта версия меркантилистской доктрины была взята на вооружение в политической полемике между партиями вигов и тори³⁷; и она же стала непосредственной мишенью критики Адама Смита, а вслед за ним и последующих поколений ортодоксальных экономистов. Позже, начиная с Густава Шмоллера в XIX в., включая Д.М. Кейнса и многих историков экономической мысли в XX в., было многократно показано, что критика меркантилистов несправедливо³⁸ приписывала им грехи, которых они не совершали, и не признавала то ценное, что в их трудах содержалось. Однако отделить зерна от плевел оказалось не так просто. Причиной тому были, разумеется, не только предубеждения Смита и его последователей, но также изъяны самого меркантилистского дискурса: ненадежность его эмпирической базы, неразвитость концептуального аппарата, переоценка степени общности выводов.

Дебаты о торговом балансе отличались от большинства экономических дискуссий того времени тем, что расчеты на основе эмпирических данных составляли их неотъемлемую часть. Особую остроту они приобрели в 1713 г. в рамках противостояния вигов и тори вокруг проекта торгового соглашения с Францией. Сторонники обеих партий апеллировали к данным расчетных балансов как решающему аргументу «за» или «против» либерали-

36. У поздних меркантилистов и Джеймса Стюарта торговый баланс был переосмыслен как «баланс труда». «Когда нация экспортирует больше или меньше труда, чем импортирует, — писал Жервез, — эта разница между экспортом и импортом труда называется торговым балансом» (Gervaise 1720/2020: 209). По признанию Джейкоба Вайнера, «из всех меркантилистских рассуждений [аргумент занятости] наиболее успешно противостоял критике, сохранившись и в XIX, и в XX вв. в качестве важного элемента протекционистской доктрины» (Viner 1930: 298–299).

37. Борьба между вигами и тори велась отнюдь не по теоретическим вопросам. Виги использовали доктрину «дохода, оплачиваемого иностранцами» избирательно — как аргумент против либерализации торговли только с Францией, ибо опасались конкуренции французских товаров и усиления влияния католицизма (см.: Пинкус 2017). При этом едва ли не пионером в выдвижении такой доктрины был сторонник тори Николас Барбон (Viner 1930: 299), который задолго до этих дискуссий писал, что «единственный путь узнать, какой вид товаров и торговли прибыльнее для нации, — выяснить, какой вид товаров занимает больше рук при его ввозе и обработке. Ибо каждому работнику платят за его время; и чем больше их занято, тем нация становится богаче» (Barbon 1696: 41).

38. Шумпетер определил отношение Смита к меркантилизму как «дурной пример неумной критики» (Шумпетер 1954/2001: 474); современный исследователь — как «стилизованное описание, рассчитанное на то, чтобы дать Смиту удобную цель для атаки» (Deringer 2017: 178).

зации торговли с соседней державой. Но ни одна сторона не смогла убедительно опровергнуть доводы другой: виги держались известных на тот момент и выгодных для них данных, тогда как тори указывали на их неполноту и необходимость более тонких расчетов; в ответ виги обвиняли оппонентов в манипулировании данными, а те пришли к выводу, что корректный расчет баланса на имевшихся данных вообще невозможен. Словом, эмпирический критерий не помог в решении политического спора³⁹. Он был снят политическим же актом — отставкой правительства тори (см.: Deringer 2018: 115–146).

Убедительность меркантилистского дискурса страдала также из-за бедности понятийного аппарата. Так, деньги они понимали расширительно, терминологически не разграничивая, например деньги и денежный капитал. И хотя многозначность термина сама по себе не означала ни сведения денег к одной из их функций (средству накопления сокровищ или средству обращения), ни отождествления их с богатством, именно эти «грехи» стали стандартно вменяться меркантилизму⁴⁰. Между тем для самих купцов деньги были прежде всего источником наращивания торговых оборотов, «драйверами торговли» (Spiegel 1991: 115), т. е. именно торговым капиталом. «Мы должны вывозить наши деньги...», — пояснял Т. Ман, — чтобы сначала расширить нашу торговлю, закупая больше

39. Задним числом — с пятилетним опозданием — представитель вигов согласился с выводом о невозможности расчета баланса на имевшихся данных, а анализ документов той эпохи, проведенный в середине XX в. историком Маргарет Пристли, показал, что торговый баланс Англии с Францией в рассматриваемую эпоху был привычно положительным, т. е. подтвердил позицию тори (см.: Deringer 2018: 147, 150).

40. По свидетельству итальянского исследователя Перротта, единственный случай сведения богатства к деньгам в экономическом сочинении (хризогедонистического тезиса) он обнаружил в споре двух анонимных саксонских авторов XVI в., из которых один утверждал, что «богатство состоит из денег», а другой ему возражал (Perrotta 2004: 163). Ранее Джейкоб Вайнер, отнюдь не поклонник меркантилистов, представил целую серию прямых цитат против отождествления богатства и денег из их сочинений (Viner 1930: 368–369). В этой литературе говорилось и про экономическую целесообразность праздных запасов денег в казне, и про опасности, связанные не только с нехваткой, но и с избытком денег в обращении. Так, Томас Ман недвусмысленно предупреждал: «Не следует все доходы государей держать связанными в казне, ибо есть другие, не менее необходимые и прибыльные способы увеличения богатства и мощи. Направляя большую часть денег из своих годовых доходов своим подданным, у кого они первоначально и были взяты... государь (в этом случае) подобен желудку в теле: прекратив переваривание и передачу [пищи] другими органами, он, прежде чем погубить эти органы, разрушит самого себя» (Mun 1664/1895: 94–95).

товаров, которые мы затем снова вывозим и таким путем увеличиваем количество денег страны» (Ман 1664/1935: 161–162).

Потребовалось больше двух веков развития экономической мысли, прежде чем Дж. М. Кейнс решился теоретически объяснить и, соответственно, реабилитировать главный принцип меркантилизма — политику активного торгового баланса: «...[в] Те времена, когда государственная власть не оказывала прямого воздействия на норму процента внутри страны и на другие побуждения к внутренним инвестициям, меры, принимавшиеся в целях увеличения активного сальдо торгового баланса, были единственным прямым средством в распоряжении государства для увеличения зарубежных инвестиций» (Кейнс 1936/2007: 305). Существенно, что это реабилитации была условной и сопровождалась указанием на обстоятельства, которые делали такую политику оправданной. В нынешнем веке еще один шаг в сторону рационального толкования меркантилистов сделал Эрик Райнерт, придав их предпочтению обрабатывающих отраслей перед сырьевыми современное звучание с помощью понятия возрастающей отдачи (Райнерт 2007/2011).

Ведущий современный исследователь меркантилизма Ларс Магнуссон, предложивший обобщенную характеристику вклада меркантилистской литературы в развитие экономической мысли, в целом оценил британский дискурс XVII в. как «важный разрыв с прошлым» (Magnusson 1994: 11–12).

В отношении предметной области экономического знания он отметил:

- рассмотрение экономики как системы, локализованной на определенной территории и имеющей свои особые законы;
- фокусировку на процессы создания и распределения богатства в экономике, где центральное место принадлежит рынку товаров, денег и векселей и где экономический прогресс определяется взаимодействием спроса и предложения;
- выделение материального аспекта человеческой деятельности в противовес моральному, преобладавшему в работах предшествующего периода.

Методологическое кредо меркантилизма Магнуссон определил — с оговоркой на условность формулировки — как «бэкониианскую научную программу с преобладанием логической аргументации и опорой на факты».

Но если спецификация предметной области меркантилистского дискурса зафиксировала действительно ключевые тенденции в развитии экономического знания, прежде всего перенос центра тяжести на производство и обращение общественного продукта, то методологическую характеристику этого дискурса со ссылкой на «бэкониианскую программу» можно принять лишь как самую общую констатацию отхода от схоластической традиции. Подведение большого корпуса литературы под одну рубрику недооценивает как многообразие научных образцов, оказавших влияние на эту литературу, так и ее собственную неоднородность на протяжении рассматриваемого периода.

Расцвет меркантилистской литературы пришелся на последнюю треть XVII и первую половину XVIII в., т. е. на самую турбулентную фазу научной революции. Меняющаяся общенаучная среда оказывала заметное влияние и на экономическая мысль. Не случайно один из самых ярких ее представителей Уильям Петти был в числе основателей Лондонского Королевского общества; Джон Локк был его членом, а памфлетисты Николас Барбон и Джон Кэри тесно взаимодействовали с учеными Общества. Характерно и то, что Петти, Барбон и Локк были медиками, обучавшимися на физиологии Гарвея. И если в начале XVII в. Малин и Мисселден еще апеллировали к авторитету Аристотеля, то в экономических сочинениях конца столетия фигурируют уже новые научные авторитеты: Джошиа Чайлд и Чарльз Дэвенант ссылаются на Гоббса, Дадли Норт апеллирует к Декарту⁴¹, а Джон Кэри⁴² — к Локку.

41. Современные исследователи объясняют отсылку Д. Норта к Декарту влиянием его брата — философа Роджера (см.: Letwin 1963/2003: 251–270), но это никак не умаляет значения фактора общенаучной среды.

42. Пример Кэри особенно наглядно характеризует рост престижа науки в этот период. В 1717 г. он опубликовал трактат «*An Essay Towards Regulating the Trade...*», представлявший собой переработанный вариант его работы более чем двадцатилетней давности. Но если во введении к первой публикации он определял свою задачу как «изложение общих понятий о торговле», то в новом издании речь шла уже о науке: о том, что «торговля, как и другие науки, имеет свои принципы» (см.: Ibidem: 218).

2. Проекты новой науки

В конце XVII — начале XVIII в. общественный запрос на достоверное экономическое знание стал переосмысливаться как потребность в новой науке об экономике. При этом в отношении генезиса этой науки имеется немало предрассудков, связанных с тенденцией к абсолютизации ограниченного опыта той или иной эпохи или научной традиции. История науки в этом случае сводится к ретроспективной реконструкции *результата* процесса, к поиску истоков того состояния науки, которое принято за образец. Таковы, при всех внутренних различиях, известные историко-научные концепции К. Маркса и И. Шумпетера, М. Блауга и Т. Хатчисона. Такие исторические реконструкции оправданы в той мере, в какой позволяют проследить преемственность в истории идей, но они явно не достаточны для объяснения объективной логики становления науки, поскольку оставляют за скобками ключевой момент: выбор пути развития науки в его *начальной точке*.

Так, если у Маркса в известной работе «К критике политической экономии» (Маркс 1859/1959) начало научной политической экономии ассоциировалось с появлением идеи трудовой теории стоимости (У. Петти), то для других историков экономической мысли аналогичную роль играла артикуляция принципов свободной торговли или полезности благ, истоки которых также можно найти в этот период. Во всех подобных случаях критерии научности задаются задним числом — в силу их связи с идеями, ставшими значимыми в позднейших теоретических конструкциях. Логика такой позиции понятна: по крылатому выражению Маркса, «анатомия человека — ключ к анатомии обезьяны» (Маркс 1857/1968: 42). Заметим, однако, что речь идет о логике для анализа становления конкретной развитой формы, в нашем случае — конкретной формы науки. Все другие формы науки при этом остаются за рамками рассмотрения. Соответственно, для ответа на вопрос, почему именно данная форма получила приоритетное развитие, этот подход попросту не рассчитан.

Возникновение новых явлений, как правило, происходит в точках бифуркации, т. е. в условиях, когда возможны разные траектории последующего движения, и выбор пути развития не

является жестко детерминированным и нередко определяется случайными факторами. Дальнейшее развитие, напротив, оказывается в той или иной степени связанным заданной траекторией (path dependent). Именно поэтому интерпретацию генезиса нового явления неправомерно ограничивать только тем кругом факторов и влияний, которые исторически и логически связаны с «победившей» траекторией развития.

В период становления экономики как науки неопределенность первичного выбора траектории была тем большей, что сама наука Нового времени, как было показано выше, представляла собой спектр научных программ, в рамках которых сосуществовали различные эпистемологические установки и, соответственно, образы науки. Наиболее известно соперничество эмпирической линии Фрэнсиса Бэкона и рационалистической — Рене Декарта. Прямую связь между этими философскими доктринами и двумя основными национальными традициями экономической науки попытался провести Карл Прибрам (Pridem 1983), согласно которому ранние английские экономисты, начиная с Петти, понимали науку в духе Бэкона, тогда как французы, в особенности физиократы, были рационалистами-картезианцами. Конечно, такая схема упрощает картину: в нее не впишутся ни Дадли Норт — англичанин, заявивший о приверженности методу Декарта, ни Жан-Батист Дюбо — французский поклонник Локка и Петти (Coleman 1995: 36–40). Как минимум, эта схема недооценивает единство тогдашнего международного научного сообщества (см.: Gronewegen 1987). Тем не менее внимание Прибрама к самому факту влияния соперничающих эпистемологических установок — важный шаг к осознанию неадекватности линейных схем формирования экономической науки. В действительности общенаучная среда была еще более многообразной и — что особенно важно — динамичной. Интеллектуальное брожение второй половины XVII и первой половины XVIII в. породило целый ряд проектов включения экономического знания в сферу тогдашней науки.

2.1. Бэконские проекты

Автором первого эмпирико-статистического проекта экономической науки был, несомненно, Уильям Петти — участник просветительских кружков, подготовивших создание Королевского

общества и один из его отцов-основателей. Взгляды Петти вполне соответствовали бэконскому духу первых руководителей Общества. Не противоречило этому духу и то, что приверженность эмпиризму сочеталась у него с теоретическими обобщениями и инженерным подходом при обсуждении практических задач, будь то налогообложение или обустройство Ирландии. По определению Шумпетера, «он относился к числу теоретиков, для которых наука — это измерение». Знаменитая фраза: «...Вместо того, чтобы употреблять только слова в сравнительной и превосходной степени и умозрительные аргументы, я вступил на путь выражения своих мнений на языке чисел, весов и мер...», используя только аргументы, идущие от чувственного опыта, и рассматривая только причины, имеющие видимые основания в природе» (Петти 1676/1940: 156) — была явным вызовом практике памфлетистов. Шумпетер, отмечая, что Петти сознавал полемичность своего методологического кредо и был готов за него бороться, заключил, что «это был бы первый “спор о методе”» (Шумпетер 2001: 271). Правда, вывод был сформулирован в сослагательном наклонении — спор не состоялся: «...Никто не выступил против... [П]оследователей было мало, восхищались многие, но огромное большинство очень быстро предало забвению этот метод... [П]ерспективная программа, способная вдохновить экономистов на новые направления исследований, увяла в руках шотландского профессора и на 250 была практически утрачена для большинства экономистов» (там же). Последнее замечание — камешек в огород Адама Смита, который свое отношение к проекту Петти выразил мимоходом брошенной репликой, что он «не слишком верит в политическую арифметику» (Смит 1776/2007: 512).

Энтузиазм Шумпетера по отношению к эмпирико-статистическому проекту Петти вполне соответствовал неопозитивистской интеллектуальной моде середины XX в. и гораздо меньше — условиям, в которых работали Петти и Смит. Петти демонстрировал чудеса изобретательности, анализируя данные о хозяйственных реалиях XVII в., но это не отменяло факта, что сами данные были скудными и отрывочными, а выводы на их основе — не слишком убедительными. Условия для полноценной реализации такого проекта еще не созрели.

Провозгласив вслед за Бэконом своей целью распространение знания, полезного для людей, Королевское общество объединяло и поддерживало не только ученых-исследователей и собирателей фактов, но и разного рода изобретателей и прожектеров, среди которых были и разработчики банковских проектов. Один из них — Хью Чемберлен — был даже членом Королевского общества. В основе таких проектов лежал инженерный тип знания, ориентированный не на познание существующего, а на конструирование новых объектов. Расцвет подобных разработок пришелся на вторую половину XVII в., а его кульминацией стала деятельность Джона Ло, чье основное сочинение «*Деньги и торговля*» (1705) — это яркий пример конструктивистского **инженерно-экономического проекта** организации экономического знания. Трактат состоит из восьми глав, из которых две первые вводят основные понятия и ставят проблему — обеспечение хозяйства деньгами; четыре следующие главы содержат обзор различных подходов к решению задачи — применяемых на практике или предлагаемых другими авторами, вместе с объяснением недостаточности или неадекватности этих подходов; седьмая глава состоит из детального пошагового описания проекта самого автора, а заключительная глава — это характеристика выгод, которые принесет его осуществление. В работе Ло есть и оригинальные теоретические идеи (см. напр.: Murphy-2008), анализ эмпирического материала, но основой аргументации служит инженерная логика: сопоставление разных технологий решения поставленной задачи, что представляло собой пример специфического проекта экономики как инженерной науки.

Судьба научного проекта Джона Ло была предрешена судьбой его практического проекта. Крах в 1720 г. финансовой пирамиды Ло породил обширную вторичную литературу с анализом этого опыта, по преимуществу критическому. Не стал примером для подражания и инженерный подход Ло к организации знания. Однако эволюция денежных и финансовых систем в XX в. заставила вернуться к оценке идейного наследия Ло и признать его оригинальный и во многом пророческий вклад в развитие денежной теории. В какой мере эти достижения были связаны со способом организации и представления экономического знания, вопрос, который пока не нашел своего исследователя.

Бэконские корни имел еще один **сравнительно-аналитический проект** экономической науки, представленный монументальным сочинением сэра Джеймса Стюарта «*Исследование принципов политической экономии*» (1767). Методологически Стюарт во многом следовал принципам Монтескье, который, в противовес претензиям естественного права на универсализм его принципов, полагал, что достоверность полезного знания требует учета конкретных условий, а они по объективным географическим, климатическим и т.п. причинам не могут не различаться у разных стран и народов. Такая интерпретация бэконизма в середине XVIII в. была популярна среди философов французского Просвещения. В предисловии к своему трактату Стюарт писал, что «речь в нем не идет много дальше того, чтобы собрать и организовать некоторые элементы, касающиеся наиболее интересных направлений современной политики, таких как население, сельское хозяйство, торговля, промыслы, деньги, монета, процент, обращение, банки, обмены (валют), государственный кредит и налоги. Принципы, выводимые из всех этих тем, оказываются достаточно согласованными и составляют единую цепь рассуждений».

Вопреки Марксу (Маркс 1859), который назвал Стюарта автором первой целостной системы буржуазной политической экономии, сам он противопоставлял свою работу тому, что, по его выражению, «французы называют Системами», и стремился избегать абстракций. «Великое искусство политической экономии» он видел в том, чтобы «во-первых, приспособлять различные ее (политической экономии) меры к духу, нравам, привычкам и обычаям народа, и уже затем формировать эти обстоятельства так, чтобы вводить в них новые, более полезные институты».

Представитель знатного аристократического рода, многолетний изгнанник и путешественник, Стюарт адресовался к просвещенному правителю и претендовал на обобщение опыта экономической политики разных стран. В ту эпоху это могли быть только разновидности меркантилистской политики. Соответственно, проект Стюарта стал манифестом просвещенного меркантилизма. Однако время такой политики уже истекло, фритредерские настроения в общественном мнении Великобритании усиливались, и это, конечно же, не способствовало успеху его проекта в соперничестве с конкурентами.

2.2. Экономико-философский проект науки о человеке

Еще одним проектом организации экономического знания был **экономико-философский проект**, связанный прежде всего с именем Дэвида Юма. Он вырос из естественно-правовой традиции, в рамках которой экономические отношения рассматривались в широком общественном контексте. Уже у Джона Локка, английского философа и чиновника, экономические явления, в особенности денежное обращение и ссудный процент, выделяются в отдельный объект изучения со своими специфическими закономерностями, но рассматриваются по-прежнему в свете доктрины естественного права, т. е. в морально-философском контексте.

В XVIII в. Юм продолжил универалистскую линию, свойственную естественному праву, но уже на иной научной базе. Историки до сих пор спорят, кем был Юм: ньютоном или скорее бэкоником в духе инициаторов Королевского общества (см.: Hazon and Schliesser 2016), но нет сомнения, что он опирался на науку Нового времени и считал своей главной целью разработку на этой основе универсальной «науки о человеке», которая должна была включать четыре раздела: логику, этику, критицизм и политику (Юм 1738/1996: 56). В 1752 г., реализуя свою программу, Юм опубликовал *«Политические рассуждения»*, включавшие серию очерков на экономические темы. Эти очерки оказали влияние на дальнейшее развитие экономической мысли, что веком позже даже дало повод его биографу назвать работу «колыбелью политической экономии» (Burton, 1846: 354).

Однако внимание самого Юма в этих очерках было сосредоточено на механизмах общественного прогресса (см., напр.: Sakamoto 2008). Экономические явления — деньги, процент, торговля и др. — интересовали его лишь как элементы таких механизмов. Так, объяснение механизма саморегулирования товарных и денежных потоков между странами, один из главных аналитических результатов Юма, а впоследствии важный компонент теории экономистов-классиков, на самом деле был всего лишь промежуточным шагом в аргументации с целью продемонстрировать, что торможение общественного прогресса, «которое приписывают малочисленности звонкой монеты, в действительности есть результат привычек и обычаев населения и что мы, как очень часто случается, по ошибке принимаем побочный эффект за причину» (Юм 1752/1996: 90).

Свое обществоведение Юм не случайно назвал «наукой о человеке» — речь шла об изучении психологических основ человеческого поведения, прежде всего страстей и привычек людей, его определяющих. Экономические факторы, например денежное обращение, играли в этой концепции роль элемента внешней среды, на которую поведение реагирует. Еще одним подтверждением психологического подхода Юма может служить его апология предметов роскоши. В отличие от многих современников его интересовали не проблемы неравенства и не вопросы эффективности, а пути пробуждения у людей новых потребностей. Роскошь он называл «ядом, который может служить антидотом к другому яду» (Hume 1752/1784: 297). Стратегия Юма в отношении экономического знания не была нацелена на создание отдельной науки. Однако сегодня она может представлять интерес как попытка выстроить междисциплинарную теорию общественного развития⁴³.

2.3. Картезианско-ньютоновский проект

То, что взгляды Петти и Ло на экономическую науку не вызвали полемики среди их современников, вовсе не означает, что они остались незамеченными. Научные сообщества того времени были немногочисленными, а механизмы научной коммуникации только складывались. Реакцией на первые проекты новой науки стал еще один проект, разработанный в начале 30-х годов XVIII в. французским коммерсантом ирландского происхождения Ричардом Кантильоном и разительно отличавшийся от работ предшественников своей методологией. В то время во Франции еще господствовало картезианство, а в Англии уже утвердилась близкая к нему в методологическом отношении ньютоновская версия бэконизма. И в том, и в другом случае предполагалась опора на реальность (будь то Декартова «очевидность» или ньютоновские «факты и эксперименты»), но главный упор делался на строгость и систематичность

43. План Юма в отношении «науки о человеке» вряд ли дает основание полагать, что «наука политики» как часть этого плана служила всего лишь прикрытием (umbrella term) для его экономики (см.: Schabas and Wennerlind 2020: 17). Формальным индикатором места экономики в науке политике Юма может служить структура сборника *«Политические рассуждения»*, большая часть которого посвящена все же политическим темам.

теории. Тратат Кантильона «*Опыт о природе коммерции: общие вопросы*» (см.: van den Berg 2015) вполне отвечал этим установкам⁴⁴.

Это была первая в истории экономической мысли попытка представить экономику в виде обобщенной модели, описывающей ее наиболее существенные черты и свойства. Кантильон сознательно выстраивал систему абстрактных схем, ядром которой служила схема производства и воспроизводства (кругооборота) богатства, фиксирующая объективно детерминированные условия жизнеспособности хозяйства. Ее элементы: а) земля, монополизированная ограниченным числом собственников; б) крестьяне-земледельцы и в) другие работники, обеспечивающие нужды всех групп населения в количестве, лимитированном плодородием земли. Система детерминирована общим объемом ресурсов и пропорциональностью частей, поскольку «естественное» состояние системы предполагает жизнеспособность (воспроизводимость) каждого ее элемента. Эту жесткую базовую схему Кантильон дополнил двумя другими, допускающими вариативность: а) иерархией экономических агентов (ролей) и б) схемой денежного обращения, опосредующего связи между элементами базовой схемы.

Вся конструкция строилась на предпосылке существования объективно заданного естественного состояния, которое имеет тенденцию воспроизводиться в ходе функционирования экономической системы. Это состояние определялось независимо от действия рыночного механизма. Последнему отводится важная, но служебная роль — способствовать сближению фактического состояния системы с естественным.

Вторая важнейшая предпосылка системы Кантильона — разведение производственной и денежной сфер. Таким способом Кантильон решал фундаментальную проблему соотношения детерминизма и неопределенности. Производство богатства детерминировано объективными факторами, в основном не подвластными воле человека, но в действие эти факторы приводятся самими людьми с их ограниченными возможностями и несовершенными механизмами взаимодействия. В этих условиях неизбежен зазор между

естественным состоянием и реальностью, который и задает область, где действуют факторы неопределенности. Это прежде всего сфера товарно-денежного обращения, выступающая, с одной стороны, сферой деятельности предпринимателей-посредников (фермеров и мастеров-ремесленников), которые на свой страх и риск согласовывают труд работников со спросом аристократии, а с другой — объектом регулирования со стороны государственных чиновников. Введение в эту схему предпринимателей-посредников, несущих бремя неопределенности, позволило Кантильону рационально объяснить механизм уравнивания экономической системы без обращения к искусственным метафорам типа «невидимой руки», а ссылка на чиновников — указать на риски влияния частных интересов на денежную политику.

44. Системность теоретической структуры «*Опыта*» не позволяет согласиться с оценкой Карла Прибрама, отнесшего Кантильона к бэкониянцам (см.: Pribram 1983: 79).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В конечном счете экономическая наука сформировалась на путях, намеченных проектом Кантильона, как абстрактная теория, логически выводимая из ограниченного набора предпосылок. Успех к этому проекту пришел десятилетия спустя после смерти инициатора и был обязан трудам последователей — картезианца Франсуа Кенэ и специфического ньютонианца Адама Смита. Путь к успеху не обошелся без потерь: идеал теоретической строгости достигался во многом ценой ухода от реальности. В результате из поля зрения экономистов на полтора столетия выпали вопросы, связанные с неопределенностью, неравновесием и активностью экономических субъектов. Теоретически не осмысливались неравновесные состояния и институциональное разнообразие экономических систем. Победа теоретического проекта канонизировала вполне определенные идеалы научности и соответствующие им эпистемологические ценности, восходящие к спорам эпохи научной революции. При этом конфликт между различными идеалами научности остался неразрешенным: ориентация на один ценностный вектор нередко достигалась ценой потерь на других направлениях.

ЛИТЕРАТУРА

- Аллен Р. 2014. Британская промышленная революция в глобальной картине мира. М.: Изд-во Института Гайдара.
- Афанасьев А.А. 2004. Экономическая мысль в Испании XVI века Саламанкская школа // Экономика и математические методы. Т. 40. №4. С. 26–57.
- Бэкон Ф. 1620/1978. Новый Органон. В кн.: Ф. Бэкон. Соч. в двух томах. Т. 2. М.: Мысль.
- Вольтер. 1734/1988. Философские письма. В кн.: Вольтер. Философские сочинения. Отв. ред. В.Н. Кузнецов. М.: Наука.
- Гайденко П.П. 1980. Эволюция понятия науки. Становление и развитие первых научных программ. М.: Наука.
- Гайденко П.П. 1987. Эволюция понятия науки (XVII–XVIII вв.) Формирование научных программ нового времени. М.: Наука.
- Гоббс Т. 1651/1989. Основы философии. В кн.: Томас Гоббс. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1989.
- Гоббс Т. 1651/1991. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. В кн.: Томас Гоббс. Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1991.
- Д’Аламбер Ж.Л. 1751/1994. Предварительное рассуждение издателей. В кн.: Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука.
- Декарт Р. 1637/1989. Рассуждение о методе. В кн.: Р. Декарт. Соч. в двух томах. Т. 1. М.: Мысль.
- Локк Дж. 1690/2014. Два трактата о правлении. М.—Челябинск: Социум.
- Локк Дж. 1691/2019. Некоторые соображения о последствиях снижения процентной ставки и повышения ценности денег. В кн.: Этика процента: Джон Локк и Иеремия Бентам о природе ссудного процента и его регулировании. Челябинск—М.: Социум.
- Кассирер Э. 1932/2004. Философия Просвещения. М.: РОССПЭН.
- Кейнс Д.М. 1936/2007. Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эксмо.
- Койре А. 1966/1985. Аристотелизм и платонизм в средневековой философии. В кн.: А. Койре. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс. С. 51–73.
- Койре А. 1968/1985. Ньютон и Декарт. В кн.: А. Койре. Очерки истории философской мысли. М.: Прогресс. С. 204–266.
- Ман Т. 1664/1935. Богатство Англии во внешней торговле... В кн.: Меркантилизм. Под ред. И.С. Плотникова. Ленинград: ОГИЗ — Соцэкгиз.

- Маркс К. 1857/1968. Введение. Маркс К. и Ф. Энгельс. Соч. Т. 46. Ч. 1.
- Маркс К. 1859/1959. К критике политической экономии. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13.
- Мэдисон Э. 2012. Контуры мировой экономики в 1-2030 гг. Очерки по макроэкономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара.
- О'Рурк К. и др. 2013. Торговля и империя. В кн.: Кембриджская экономическая история Европы Нового и Новейшего времени. Т. 1: 1700–1870. Под ред. С. Бродберри и К. О'Рурка. М.: Изд-во Института Гайдара. Гл. 4: 163–197.
- Петти В. 1664/1940. Verbum sapienti. В кн.: Петти 1940.
- Петти В. 1676/1940. Политическая арифметика. В кн.: Петти 1940.
- Петти В. 1940. Экономические и статистические работы. Под ред. М. Смит. М.: Соцэкгиз. 1940.
- Пинкус С. 2017. 1688 год. Первая современная революция. М.: АСТ.
- Пуфендорф С. 1678/2017. О происхождении и прогрессе науки естественного права. М.: Этическая мысль. Т. 17 (1): 136–149.
- Райнерт Эрик С. 2007/2011. Как богатые страны стали богаче, и почему бедные страны остаются бедными. М.: ИД Высшей школы экономики.
- Розанбаллон П. 1979/2007. Утопический капитализм. История идеи рынка. М.: НАО.
- Руссо Ж-Ж. 1755/1994. Политическая экономия (мораль и политика). В кн.: Философия в «Энциклопедии» Дидро и Даламбера. М.: Наука.
- Смит А. 1776/2007. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо.
- Шумпетер Й.А. 1954/2001. История экономического анализа. СПб: Экономическая школа.
- Таронян Г.А. 1969. [Аристотель], Экономика, перевод Г.А. Тароняна // Вестник древней истории. № 3: 217–242.
- Юм Дэвид. 1738/1996. Трактат о человеческой природе. М.: Мысль.
- Anstey Peter R. 2005. Experimental versus Speculative Natural Philosophy. Science of nature in the Seventeenth Century. Patterns of Change in Early Modern Natural Philosophy. Ed. by Peter R. Anstey and John A. Schuster. Springer.
- Anstey Peter R. 2014a. Philosophy of Experiment in Early Modern England: The Case of Bacon, Boyle and Hooke // Early Science and Medicine. Vol. 19(2): 103–132.
- Anstey Peter R. 2014b. D'Alembert, the «Preliminary Discourse» and experimental philosophy // Intellectual History Review 24 (4): 495–516.

- Barbon Nicholas. 1696. A discourse concerning coining the new money lighter in answer to Mr. Lock's Considerations about raising the value of money. London. <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A30882.0001.001/1:4?rgn=div1;view=fulltext> (accessed 24.10.2021).
- Barthas Jeremie. 2011. Le Traicté de l'œconomie politique est-il un anti-Machiavel? Note philologique, historiographique et critique. In: Montchrestien et Cantillon. Le commerce et l'émergence d'une pensée économique", Ed. by A.Guery. Lyon: ENS Éditions. Doi: 10.4000/books.enseditions.4863. (OpenEdition Books 2017, accessed 22.08.2021).
- Bobbio Norberto. 1993. Thomas Hobbes and the Natural Law Tradition. Chicago and London. University of Chicago Press.
- Burton John H. 1846. Life and Correspondence of David Hume. Vol. I. Edinburgh: W. Tait.
- Clark Charles M.A. 1988. Natural law influences on Adam Smith. Quaderni di Storia dell'Economia Politica. Vol. VI (3): 59–82.
- Cohen H. Floris. 2011. How Modern Science Came into the World: Four Civilizations, One 17th-Century Breakthrough. Amsterdam University Press.
- Coleman William O. 1995. Rationalism and Anti-rationalism in the Origins of Economics. The Philosophical Roots of 18th Century Economic Thought. Aldershot: Edward Elgar.
- Cook Harold J. 2007. Matters of Exchange: Commerce, Medicine, and Science in the Dutch Golden Age. New Haven & London: Yale University Press.
- Cook Harold J. 2012. Moving about and finding things out: Economies and sciences in the period of the Scientific revolution. Osiris, 27: 101–132.
- Cuprinyak Carlos E. 2013. Beyond Thomas Mun: The Economic Ideas of Edward Coke, Francis Bacon, and Lionel Cranfield. UFMG Cedeplar Texto para DiscussaoI N° 473.
- Dear Peter. 1985. Totius in Verba: Rhetoric and authority in the early Royal Society. Isis. Vol. 76(2): 144–161.
- Dear Peter. 1995. Discipline and Experience: The Mathematical Way in the Scientific Revolution. University of Chicago Press.
- Deringer William. 2017. «It was their business to know»: British merchants and mercantile epistemology in the eighteenth century // History of Political Economy. Vol. 49(2): 177–206.
- Deringer William. 2018. Calculated Values: Finance, Politics, and the Quantitative Age. Cambridge (Ma): Harvard University Press.
- Des Chene Dennis. 2006. From natural philosophy to natural science. In: The Cambridge Companion to Early Modern Philosophy. Ed. by D. Rutherford. Cambridge University Press. Pp. 66–94.

- Desmedt Ludovic*. 2005. Money in the “Body Politick”: The analysis of trade and circulation in the writings of seventeenth-century political arithmeticians // *History of Political Economy*. Vol. 37(1): 79–100.
- Domski Mary*. 2012. Introduction: Newton and Newtonianism // *The Southern Journal of Philosophy*. Vol. 50 (3): 363–369.
- Espinasse Margaret*. 1974/2011. The decline and fall of Restoration science. *The Intellectual Revolution of the Seventeenth Century*. Ed. by Charles Webster. Routledge 2011.
- Faccarello Gilbert*. 1999. The foundations of ‘laissez-faire’: The economics of Pierre de Boisguilbert. London: Routledge.
- Finkelstein Andrea L*. 2000. Harmony and the Balance: An Intellectual History of Seventeenth-Century English Economic Thought. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Galilei Galileo*. 1615. Letter to the Grand Duchess Christina of Tuscany. *Fordham University Modern History Sourcebook*: <https://sourcebooks.fordham.edu/mod/galileo-tuscany.asp> (accessed 07.06.2020).
- Gervaise Isaac*. 1720/2020. The System or Theory of the Trade of the World. A Source Book on the Early Monetary Thought. *Writings on Money before Adam Smith*. Ed. by Edward W. Fuller. Cheltenham: Edward Elgar.
- Grice-Hutchinson Marjorie*. 1952. The School of Salamanca. *Readings in Spanish Monetary Theory, 1544–1606*. Oxford: Clarendon Press. https://cdn.mises.org/The%20School%20of%20Salamanca_3.pdf.
- Hall M.B.* 1976. Science in the early Royal society. In (Crosland 1976).
- Harvey K.* 2012. Language of Oeconomy. In: Harvey, Karen. *The Little Republic: Masculinity and Domestic Authority in Eighteenth Century Britain*. Oxford Scholarship Online. (DOI: 10.1093/acprof/so/9780199533848.001.0001).
- Hazon Y. and E. Schliesser*. 2016. Newton and Hume. *The Oxford Handbook of Hume*. NY: Oxford University Press.
- Hengstmengel Joost W.* 2019. Divine Providence in Early Modern Economic Thought. London and New York: Routledge.
- Hengstmengel Joost W.* 2017. The survival of Aristotelism in early English mercantilism: an illustration from the debate between Malynes and Misselden // *Erasmus Journal for Philosophy and Economics*. Vol. 10(1): 64–82.
- Henry John*. 2010. Religion and the Scientific Revolution. *The Cambridge Companion to Science and Religion*. Ed. by P. Harrison. Cambridge: Cambridge University Press.
- Henry John*. 2013. The reception of Cartesianism. In: *The Oxford Handbook of British Philosophy in the Seventeenth Century*, Ed. by Peter R. Anstey. Oxford University Press.

- Hobbes Thomas*. 1651/1965. *Hobbes’s Leviathan*. Reprinted from the edition of 1651. Oxford: Clarendon Press. 1965.
- Hume D.* 1752/1784. “Of Refinement in the Arts,” Hume, David. *Essays and Treatises on Several Subjects: Essays Moral, Political, and Literary*. Vol. 1. London.
- Humphrey Thomas M.* 1993. The origins of velocity functions // *Economic Quarterly – Federal Reserve Bank of Richmond*. Vol. 79(4): 1–17.
- Hunter Michael*. 1976. The social basis and changing fortunes of an early scientific institution: an analysis of the membership of the Royal Society, 1660–1685 // *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 31(1): 9–114.
- Hunter Michael and Paul B. Wood*. 1986. Towards Solomon’s House: Rival Strategies for Reforming the Early Royal Society // *History of Science*, 24: 49–108. <http://adsabs.harvard.edu/full/1986HisSc..24..49H> (accessed 29.07.2020).
- Hutton Sarah*. 2019. Cartesianism in Britain. In: *The Oxford Handbook of Descartes and Cartesianism*. Ed. by Steven Nadler, Tad M. Schmaltz and Delphine Antoine-Mahut. Oxford University Press.
- Johnson E.A.J.* 1932. British mercantilist doctrines concerning the ‘exportation of work’ and ‘foreign-paid incomes’ // *Journal of Political Economy*. Vol. XL (6): 750–770.
- Keynes Milo*. 1995. The Personality of Isaac Newton // *Notes and Records of the Royal Society of London*. Vol. 49(1): 1–56.
- King James E.* 1948. The Origin of the Term “Political Economy” // *The Journal of Modern History*. 20(3): 230–231.
- Kuhn Thomas S.* 1976. Mathematical vs. Experimental Traditions in the Development of Physical Science // *The Journal of Interdisciplinary History*. Vol. 7(1): 1–31.
- Leng Thomas*. 2013. Expertise and knowledge in the world of commerce. In: *Mercantilism Reimagined: Political Economy in Early Modern Britain and Its Empire*. Ed. by Philip J. Stern and Carl Wennerlind. Oxford: Oxford University Press.
- Letwin William*. 1963/2003. *The Origins of Scientific Economics. English Economic Thought: 1660–1776*. Reprint. London and NY: Routledge.
- Letwin William*. 1972. The Economic Foundations of Hobbes’ Politics. In: *Hobbes and Rousseau*, ed. by Maurice Cranston and Richard S. Peters, Garden City, NY.: Anchor Books. Pp. 143–64.
- Lynch William T.* 2002. *Solomon’s Child: Method in the Early Royal Society of London*, Stanford University Press.
- Magnusson Lars*. 1994. *Mercantilism. The Shaping of an Economic Language*. London and New York: Routledge.

- Malynes Gerard de.* 1623. The Center of The Circle of Commerce. <http://name.umdl.umich.edu/A06785.0001.001>.
- Mirowski Philip.* 1989. More Heat than Light: Economics as Social Physics, Physics as Nature's Economics. Cambridge: Cambridge University Press.
- Misselden Edward.* 1623. The Circle of Commerce. Or the Balance of Trade, in Defence of free Trade. London. <https://socialsciences.mcmaster.ca/~econ/ugcm/3ll3/misselden/circleofcommerce.pdf> (accessed 23.09.2021).
- Montchrétien Antoyne de.* 1615/1889. Traicté de l'oeconomie politique: dédié en 1615 au Roy et à la Reyne mère du Roy. Paris, 1889. <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k106383n/f153.image.r=lls%20meconnaissaient%20le%20principe>.
- Mun Thomas.* 1664/1895. England's Treasure by Forraign Trade. NY and London. Macmillan.
- Murphy A.E.* 2008. The Genesis of Macroeconomics: New Ideas from Sir William Petty to Henry Thornton. Oxford: Oxford University Press.
- Needham Joseph.* 1967. The roles of Europe and China in the evolution of oecumenical science // Journal of Asian History. Vol. 1. Part 1: 3–32.
- Orain Arnaud.* 2014. The second Jansenism and the rise of French eighteenth-century political economy // History of Political Economy. Vol. 46(3): 463–490. Doi 10.1215/00182702-2796233.
- Perrotta Cosimo.* 2004. Consumption as an Investment. Vol. I. The Fear of Goods from Hesiod to Adam Smith. London and New York: Routledge.
- Perrotta Cosimo.* 2014. Thomas Mun's England's Treasure by Forraign Trade: the 17th-century manifesto for economic development // History of Economics Review. Vol. 59 (1): 94–106.
- Phillips Denise.* 2016. Academies and societies. In: Lightman B. ed. A companion to the history of science. John Wiley & Sons.
- Pribram Karl.* 1983. A History of Economic Reasoning. Baltimore and London. The John Hopkins University Press.
- Pufendorf Samuel von.* 1673/2005. On The Duty of Man and Citizen According to the Natural Law. Lonang Institute. <https://lonang.com/library/reference/pufendorf-duty-man-and-citizen> (accessed 05.09.2021).
- Purver Margery.* 1967/2009. The Royal Society: Concept and Creation. L.: Routledge & Kegan Paul.
- Roux, Sophie.* 2019. The Condemnations of Cartesian Natural Philosophy Under Louis XIV (1661–1691). The Oxford Handbook of Descartes and Cartesianism. Ed. by Steven Nadler, Tad M. Schmaltz, and Delphine Antoine-Mahut. Oxford University Press.
- Rattansi P.M.* 1968. The Intellectual origins of the Royal Society // Notes and Records of the Royal Society of London. 23 (2): 129–143.

- Sakamoto Tatsuya.* 2008. Hume's Economic Theory. A Companion to Hume. Ed. by E.S. Radcliffe. Malden (MA) etc: Blackwell, 2008.
- Sæther Arild.* 2017. Law and the Origin of Political Economy. Samuel Pufendorf and the History of Economics. L. and NY: Routledge.
- Schabas M. and Wennerlind C.* 2020. A Philosopher's Economist. Hume and the Rise of Capitalism. Chicago: University of Chicago Press.
- Schaffer Simon.* 1989. Newtonianism. In: Companion to the History of Modern Science. Ed. by R.C. Olby, G.N. Cantor, J.R. R. Christie and M.J.S. Hodge. L. & NY: Routledge. Pp. 610–626.
- Schuster John A.* 1989. The Scientific Revolution. In: Companion to the History of Modern Science. Ed. by R.C. Olby, G.N. Cantor, J.R. R. Christie and M.J.S. Hodge. L. & NY: Routledge.
- Shank John B.* 2008. The Newton Wars and the Beginning of the French Enlightenment. Chicago: University of Chicago Press
- Shank John B.* 2014. Science. In: The Cambridge Companion to the French Enlightenment. Ed. by Daniel Brewer. Cambridge University Press.
- Spiegel Henry W.* 1991. The Growth of Economic Thought. 3d ed. Durham and London. Duke University Press.
- Taylor Quentin.* 2010. Thomas Hobbes, political economist: His changing historical fortunes // The Independent Review. Vol. 14(3): 415–433.
- Tribe Keith.* 2015. The Economy of the Word: Language, History, and Economics. Oxford: Oxford University Press.
- van den Berg Richard (ed.). 2015. Richard Cantillon's Essay on the Nature of Trade in General. A variorum edition, L.: Routledge.
- Viner Jacob.* 1930. English theories of foreign trade before Adam Smith // The Journal of Political Economy. Vol. 38(3): 249–301.
- Viner Jacob.* 1978. Religious thought and economic society: four chapters of an unfinished work // History of Political Economy. 10 (1): 1–189.
- Weld Charles R.* 1848. A History of the Royal Society, with Memoirs of the Presidents. Vol. II. London: John Parker.
- Wennerlind Carl.* 2011. Casualties of Credit. The English Financial Revolution, 1620–1720. Cambridge (Ma): Harvard University Press.
- Whewell William.* 1847. The Philosophy of the Inductive Sciences, Founded Upon Their History. A New Edition in Two Volumes. Vol. 2. London. John W. Parker.
- Wood Paul.* 2003. Science in the Scottish Enlightenment. In: The Cambridge Companion to the Scottish Enlightenment. Ed. by A. Broadie. Cambridge: Cambridge University Press. Pp. 94–116.

Редакционно-издательский отдел:

Тел.: +7 (499) 129 0472

e-mail: print@inecon.ru

Сайт: www.inecon.ru

Научный доклад

О.И. Ананьин

Генезис экономической науки:
историко-научный контекст

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*

Редактор – *Полякова А.В.*

Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 06.12.2021 г.

Заказ № . Тираж 300 экз. Объем 2,6 уч. изд. л.

Отпечатано в ИЭ РАН